

ДЕТЕКТИВ: НОВЫЙ УРОВЕНЬ

ЧТО УПАЛО, ТО ПРОПАЛО

САБИН ДЮРАН

Сабин Дюран
Что упало, то пропало
Серия «Психологический
триллер (АСТ)»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65418207
Что упало, то пропало: АСТ; Москва; 2021
ISBN 978-5-17-134677-5

Аннотация

Эйлса Тилсон и ее на первый взгляд идеальная семья – муж и трое детей – переезжают в Тринити-Филдс в поисках новой жизни. Заботы с новым домом, новая школа для детей и новые проекты. И неожиданная дружба с одинокой соседкой Верити, которой явно нужна помощь.

Верити живет в Тринити-Филдс всю свою жизнь и не любит перемен. Ее дом – это щит от внешнего мира. Но что-то в Тилсонах вызывает у нее интерес.

Так же, как плющ оплетает забор между домами двух женщин, переплетаются их истории.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	28
Глава 4	39
Глава 5	64
Глава 6	88
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Сабин Дюран

Что упало, то пропало

Sabine Durrant

FINDERS, KEEPERS

© Sabine Durrant, 2020

© Перевод. М.В. Жукова, 2020

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

* * *

*В основном философы спорят не о том, существует душевная болезнь или нет, а скорее, о том, как охарактеризовать суть этого понятия.
Кристиан Перринг, Стэнфордская философская энциклопедия*

*Вы становитесь независимой, если живете одна.
Вы становитесь настоящей личностью.
Эдит Бувьё Бил (Маленькая Эдди), «Серые сады»*

Глава 1

Губки для посуды Scotch-Brite¹, 10 штук в двойной упаковке, всего 20 штук.

Martitude, суц. – мужеубийство. Происходит от латинского maritus, означающего «муж», и – cide от caedere, что означает «резать, убивать».

Я встала рано, так что успела оттереть надпись до того, как она ее увидела. На этот раз использовали красную краску, а ее, как оказалось, убрать труднее, чем белую. Написанное – правда? Неважно. В любом случае хорошо, что у меня остались губки для посуды, потому что пришлось использовать целых четыре. Забор безобразный, так всегда говорил Том, – столбики, на которых он крепится, выцвели и прогнили, между досками появились щели, и часть букв оказалась написана не на досках, а на разросшемся плюще – где-то завитушка, а где-то и половина буквы. Закончив отмывать надпись, я сорвала все испорченные листики.

ТЫ ВИНОВНА

¹ *Scotch-Brite* – торговая марка и одноименный нетканый абразивный материал, напоминающий по фактуре неплотный войлок, считается универсальным абразивным материалом. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Мне это не нравится. Это нервирует. Это пахнет самосудом. Это мир, в котором все ждут, что обвиняемый в чем-то человек будет ходить с меткой на спине, и неважно, доказана его вина или нет. Словно общение с полицией, следствие, рассмотрение дела в суде и тюремный срок – это недостаточное наказание (и ведь обвиняют, когда еще неизвестно, как будет развиваться дело).

Конечно, я ей ничего не скажу. У нее и так хватает проблем. Она провела столько ночей в камере в отделении полиции в Уондсуэрте, и это было ужасно, а потом ее еще отправили на целую неделю в Бронзефилд². Хватит с нее страданий и мучений. Еда там была ужасная, постоянно какие-то крики, а мылом, которое там выдали, она содрала кожу. Я пыталась ее навестить, добралась на электричке до Эшфорда, привезла очищающее молочко от Clarins, которое она любит, но меня к ней не пустили. Оказывается, нужно предъявлять какое-нибудь удостоверение личности с фотографией – паспорт или права, а у меня нет ни того, ни другого. И что делать таким людям, как я? Если она все-таки отправится обратно в тюрьму, мне придется что-то придумать. Но в любом случае здесь она только обустраивается. Последнее, что ей сейчас нужно, – это чтобы ее доставали.

Конечно, это намалевал какой-то безграмотный тип. Ви-

² *Бронзефилд* – единственная частная женская тюрьма в Великобритании, крупнейшая женская тюрьма в Европе.

новна! Или – давайте ему посочувствуем – дислексик³. Но когда я, поставив рядом ведро с водой, присела на корточки, оказавшись спиной к улице, мне стало не по себе. Казалось, что на меня смотрели из каждой проезжавшей мимо машины. Меня накрыло чувство стыда, и еще, возможно, я чувствовала себя униженной, что естественно для любого человека, вынужденного убирать за другим. Это всегда неприятно, а тут еще такая надпись! И странным образом я почувствовала одиночество. Это был несчастный случай. Я повторяла это всем, кто спрашивал. Она невиновна. Суд присяжных сразу это поймет. Не понимаю, почему люди такие странные.

Я отнесла губки и ведро в кухню. Оказалось, что она уже спустилась вниз и стоит в коридоре. Она с недовольным видом спросила про завтрак. Обычно я приношу еду на подносе, как всегда носила маме, но сегодня утром у меня просто не было времени готовить, потому что я была занята забором. Я подтолкнула ее в направлении гостиной, а сама занялась завтраком. Она любит определенный тип мюсли, но они у нас заканчиваются (их можно купить только в большом супермаркете Sainsbury's), поэтому я добавила в ее мюсли немного своей овсянки. Похоже, она не заметила. Ела без всякого выражения на лице, смотрела в окно на проезжав-

³ *Дислексия* – нарушение способности к овладению навыком чтения и письма при сохранении общей способности к обучению, имеет нейрологическое происхождение.

шие мимо машины и автобусы, на детей, идущих в школу. Казалось, она опять впала в забытие – словно приступ амнезии на события, связанные с прошлым. Врач сказал, что это из-за пережитого шока. Но тут я никогда до конца не уверена.

Моди рвалась на прогулку. Когда я предложила Эйлсе к нам присоединиться, то не ожидала, что та согласится. Она ни разу добровольно не вышла из дома с тех пор, как сюда переехала. И всегда находила какое-то оправдание: то слишком устала, то болят глаза, то она боится встретить кого-то из знакомых. Вероятно, из-за происшествия с забором сегодня мои слова прозвучали как-то по-другому, или, может, я предложила прогуляться как раз в подходящее время.

– Никому не идет на пользу целый день сидеть взаперти, – сказала я (хотя, возможно, говорить «сидеть взаперти» было бестактно при сложившихся обстоятельствах).

Она вдруг развернулась ко мне.

– Хорошо, – ответила таким тоном, словно делала мне одолжение.

Я дала ей одну из своих курток и шарф – тоже мой. У нее с собой нет подходящей одежды, только летняя. Куртка была темно-красного, скорее даже каштанового цвета, не совсем чистая и большого размера. Ей она не понравилась. Она сморщила нос. Мне пришлось просовывать ее руки в рукава, словно я одевала непослушного ребенка. А черный шарф она одобрила. Хотя он был из полиэстера, на ощупь напоми-

нал кашемировый. Пока я искала ключи в прихожей, заметила, как она изучает свое отражение в зеркале, как поднимает подбородок, поправляя шарф на шее. Некоторые привычки не умирают никогда.

Конечно, я спланировала маршрут. Выйдя, мы сразу же повернули направо, чтобы не проходить мимо двери ее дома, и пошли до конца Тринити-роуд, потом на светофоре перешли дорогу и направились к парку. Мне не хотелось идти мимо магазинов и кафе на Бельвью, где всегда много народа. Репортеры на улице больше не дежурят, но она права: лучше не привлекать лишнего внимания и не устраивать шоу. Она шла очень медленно, я взяла ее под руку и потащила за собой. Я пыталась справиться с раздражением. «Потихоньку», – сказала я. Хотя скорее не о темпе ее ходьбы, а о делах в целом.

В это прохладное, ветреное осеннее утро по небу быстро неслись облака, солнце то появлялось из-за них, то снова скрывалось. Я отстегнула поводок Моди, и она понеслась вперед по траве – лоскутному одеялу света и тени. На центральной дорожке Эйлса ускорила шаг, а когда я обратила ее внимание на красоту высоких каштанов – их листья как раз начали краснеть, – она что-то пробормотала себе под нос. Я приняла это за согласие.

Возможно, именно тогда нам и следовало повернуть назад – пока на дорожке никого не было. Я виню себя за то, что мы этого не сделали. Мне хочется думать, что я чувствую на-

строения Эйлсы, но тут я оказалась недостаточно бдительна.

Я пыталась шутить, болтала о молодых лебедях на пруду, о том, как они выросли, и вдруг заметила двух женщин – обе блондинки с маленькими собачками на поводках, – идущих нам навстречу. У меня возникло ощущение, что мы вдруг попали в магнитное поле – в их молчании ощущалось напряжение и ожидание. Эйлса тоже это почувствовала, а может, она их узнала. У нее много знакомых. Ее дыхание изменилось: резкий вдох, за которым немедленно последовал сдавленный всхлип. Она прильнула ко мне, и я испугалась, что она может упасть. Через лужайку потащила ее под дерево к скамейке, с которой открывался вид на воду. Эйлса рухнула на скамейку, заняв большую ее часть, откинула голову на металлическую спинку и уставилась в небо. Через несколько минут она раздраженно сказала, что устала, – толком не спала столько дней. Затем она заговорила о Мелиссе: она отправила письмо по электронной почте, но та не ответила. Эйлса даже не была уверена, что Мелиссе передают ее письма. Это было несправедливо. Она рассказала мне про пикник, который они устроили в день рождения близнецов, и как тогда было весело, и что-то о красивом домике на дереве, который они построили в Кенте.

Боюсь, что в какой-то момент я перестала ее слушать. Я не люблю разговоры про Кент, а в последнее время и так слишком много слышала о детях. К тому же я и сама порядком устала. По очевидным причинам работать мне приходится

по ночам. Между деревьев пролетела пара длиннохвостых попугаев, громко и пронзительно крича. Модя помчалась к роще, и по ее странным – словно балетным – шагам я догадалась, что она гонится за белкой. Воздух был прохладным, свет мягким, сквозь ветки виднелось синее небо. Под ногами хрустели опавшие осенние листья, мне нравится этот звук. Я думала о Эйлсе и ее манере говорить – она говорит как аристократка, повышая тон в конце предложения, а иногда в середине. Я впервые задумалась о том, как на это могут отреагировать присяжные. Вывод: не очень хорошо.

Когда она вдруг наклонилась вперед, я решила, что она смотрит на мои ноги. На мне были брюки с молниями по бокам, в них удобно гулять. Молнии не были застегнуты до конца, так что виднелась нижняя часть икр. Эйлса сосредоточила взгляд на крошечных чешуйках – небольших белых пятнышках, свидетельствующих о возрасте. Медицинское название: каплевидный идиопатический гипомеланоз. Я думала, что она скажет что-то вроде: «Вы должны сходить к моему знакомому дерматологу». Поэтому прозвучавшие слова шокировали меня.

– Вначале я не... Знаете, было ощущение, словно у него что-то застряло в горле или жгло сильно, будто он съел целый перец чили или что-то в этом роде. Понимаете, да? Я дала ему воды, но она вся вылилась обратно из уголков рта... То есть, его язык...

Она стала водить языком по верхним зубам, высовывая

его вперед-назад. Я не могла понять, что она делает, пока до меня не дошло: она пытается мне продемонстрировать, что происходило с Томом. У меня все скрутило внутри, к горлу подступила тошнота.

– Ужасно, – только и сказала я.

Она впервые заговорила про смерть Тома. У меня возникла паническая мысль, что надо было включить диктофон, хотя я не знала, как незаметно достать телефон.

Эйлса принялась мять, впиваться ногтями в куртку, которая была на ней надета, потом стала царапать собственные запястья. Мгновение спустя они уже выглядели жутко – она их все разодрала.

– А его зрачки, Верити! Это было так странно. Они были просто черными, как у животных, и он хватался руками за шею, рот был открыт, нижняя челюсть отвисла, и повсюду слюни и пена, как у собак. Знаете? Я никогда не видела бешеных собак, но именно так их представляю. У человека не может быть столько слюны. Он извивался, корчился, будто тело не принадлежало ему, оно словно жило своей жизнью, лоб покрыла испарина. Он продолжал смотреть на меня... Взгляд у него был такой... И его так сильно тошнило – испачкало всю рубашку и весь пол в кухне, а я не могла найти бумажные полотенца и взяла рулон туалетной бумаги.

– В тот момент он все еще сидел за столом, Эйлса?

Этот вопрос снова и снова задавала полиция.

– Я думаю, что уже нет. Он соскользнул со стула на пол.

– Значит, он лежал на полу. А ты? Стояла? Или присела к нему?

В ветвях позади нас вороны хлопали крыльями. Эйлса заговорила громче:

– Я опустилась на пол рядом с ним. Я же принесла ему воду.

– Ах да.

Легкий ветер колыхал ветви дерева рядом с ней, листья кружились вокруг ее плеч.

– Если бы я сразу же позвонила в скорую, я бы его спасла? Или все равно было бы поздно?

Я открыла рот, чтобы ответить, пытаюсь контролировать выражение лица. Если бы только я была рядом в ту ночь. Если бы я только знала, что он дома.

– Не знаю.

Моди исчезла из виду, и хотя я в эти минуты была сосредоточена на Эйлсе, но начала немного беспокоиться. Я боролась с желанием встать и позвать собаку.

Эйлса быстро качала головой вверх и вниз, в ее глазах дрожали тени.

– Говорят, он перестал дышать из-за болиголова?

Мне потребовалась пара секунд, чтобы понять, что это был вопрос.

– Насколько я понимаю, болиголов парализует нервную и дыхательную системы, а это в свою очередь приводит к смерти.

Эйлса безвольно опустила руки.

– Я так часто говорила, что хочу его смерти. – Она начала плакать. – Что жизнь была бы гораздо лучше без него. Но не стала. Это несправедливо. У меня всегда все идет наперекосяк. Жаль, что я не могу повернуть время вспять.

Эйлса начала меня раздражать.

– Нам пора идти, – сказала я резким тоном и подняла ее на ноги.

Она столько лет боролась с лишним весом, а сейчас я не уверена, есть ли в ней хоть пятьдесят килограммов. Найдя собаку, я потащила Эйлсу домой. Ей не хотелось идти.

Сейчас она спит. Мы устроили ей гнездышко в гостиной, в углу дивана – там она и отключилась. Когда мы вернулись домой, она вела себя очень мило: поднесла мою ладонь к своей щеке, когда я принесла ей чашку с ройбушем, благодарила меня за поддержку. Я смотрела, как она спит – веки слегка подрагивают, рот приоткрывается во время вдоха, а потом закрывается. У нее милое лицо, на самом деле милое – в форме сердечка, рыжевато-каштановые волосы и вдовий мысок⁴ (как иронично!) на лбу, уголки зеленых глаз приподняты. Под линией волос виден небольшой старый шрам длиной сантиметра два-три. Я не знаю, откуда он. Я многого о ней не знаю.

На этой неделе у нее назначена встреча с королевским ад-

⁴ *Вдовий мысок* – линия роста волос на лбу в форме треугольника вершиной вниз. Считается, что он предвещает раннее вдовство.

вокатом⁵. До сегодняшнего дня меня ничто не беспокоило. Я совсем не волновалась, думала, все само собой уладится. На первый взгляд, с их браком все было в порядке – идеальная пара! Почему именно Эйлса Тилсон убила своего мужа? Я предполагала, что дело даже не возбудят или сразу закроют. Эйлса будет меня долго благодарить за все, что я сделала, и вместе с детьми вернется в соседний дом. Но теперь я не знаю, что будет дальше. В голове крутятся разные мысли. Кто она? Как мы до этого дошли?

Я все думаю о ее интонации в сегодняшнем разговоре. В ее голосе определенно слышались шок и жалость к самой себе. И вопрос: «Почему это должно было случиться именно со мной?» (по-моему, это следствие того, что она была несколько избалована). Еще были страх и ужас – она же видела, как Том теряет человеческий облик, на глазах становится неузнаваемым. «У человека не может быть столько слюны». Она сравнивала его с бешеной собакой. Это понятно. Каждый из нас по-своему справляется с травмой. И после того, что она для меня сделала, я прощу ей все. На самом деле прощу.

У меня до сих пор саднят пальцы после стирания надписи на заборе. Кто это написал? Что этот человек пытается мне сказать? Это ужасно, но сейчас, когда она спит, а за окном

⁵ *Королевский адвокат* – адвокат, назначаемый короной; высшее профессиональное признание. Чтобы получить этот титул, необходимо проработать адвокатом не менее пятнадцати лет.

спускается тьма, мне впервые становится страшно. Неужели я допустила ужасную ошибку? Сегодня днем не было еще одного чувства – единственного, которого ждешь после трагедии подобного рода.

Печали.

Глава 2

*Акварельные карандаши Caran d'Ache Swiss-color
в металлической коробке (40 штук).*

*Anthropomorphism, суиц. – антропоморфизм:
перенесение человеческого образа или его свойств
на неодушевленные предметы, животных,
растения и т. д.*

Не я главная героиня этой истории, но мне не хочется быть неуловимым расплывчатым образом, и не хочется, чтобы вопрос, кто же я такая, отвлекал от повествования. Возможно, никто кроме меня никогда этого не прочтет, но ведение дневника – это мой способ осмысления мира и происходящего вокруг. Однако на тот случай, если мои записи дойдут до широкой публики, я лучше напишу о себе все, что смогу. Есть время, пока Эйлса принимает ванну. Конечно, нельзя полагаться ни на какие рассказы – мы все преследуем свои личные интересы, свои корыстные цели. Но надо постараться быть прозрачным и понятным, вот и все.

Меня зовут Верити Энн Бакстер. Всю жизнь я живу в одном доме по адресу: Тринити-роуд, дом 424, на юго-западе Лондона. Мать. Сестра. Отец ушел, когда мне было четыре года. Мать умерла пять лет назад.

Мне пятьдесят два года.

Я не девственница. Извините, если это лишняя информация, как сказала бы Мелисса. Но я не хочу, чтобы кто-то посчитал меня озлобленной старой девой или чтобы меня считали лесбиянкой, как думают Мэйв и Сью, с которыми мы обычно играем в квиз⁶ в пабе. Они уверены, что мой интерес к Эйлсе объясняется именно ориентацией. Меня раздражает наша современная культура, которая вроде бы признает всех и вся – по крайней мере, об этом неустанно говорят, – но на самом деле присутствует скрытое предубеждение против тех из нас, у кого нет детей и мужей, будто наше мнение не имеет значения, словно у нас нет права выступать с комментариями по поводу поведения тех, у кого семья есть. Я вовсе не ханжа и не пуританка. Я с удовольствием смотрю сцены секса по телевизору. Одни из самых счастливых моментов моей жизни – это просмотр реалити-шоу о свиданиях «Остров любви» вместе с Эйлсой и ее детьми. Факт в том, что я этим занималась и знаю, что это такое. У меня в жизни было достаточно секса, чтобы понять, что я ничего не упускаю.

И у меня, и у Эйлсы было нетипичное детство, и это одна из причин, которая помогла нам сблизиться. Нетипичное не в том смысле, что у нас были гламурные родители-хиппи, которые жили в Марракеше, но в плане воспитания – мы чувствовали, что мы странные, не такие, как все, и не совсем вписывались в компанию одноклассников. Мать Эйлсы явно

⁶ Квиз – разновидность викторины, проводимая в пабах или барах, стала популярна в Великобритании с 1970-х и распространилась по всему миру.

страдала от алкоголизма, а дочь оказалась настолько ей преданной, что не говорила об этом прямо. Моя мать была инвалидом, страдала от фибромиалгии. Это хроническая болезнь, которая характеризуется костно-мышечной болью и наличием точек повышенной чувствительности, давление на которые вызывает особенно сильную реакцию. Боль возникала непредсказуемо, в самых разных местах, но мою мать больше всего беспокоила шея. Чтобы удобно сидеть, она обкладывалась подушками, клала их на плечи. Мы с сестрой Фейт с малых лет научились избегать неожиданных и резких движений, целовали маму только, когда она просила, аккуратно сжимая губы и ни в коем случае не позволяя им дрожать.

Возможно, маме стало хуже и болезнь обострилась, когда нас бросил отец. Я не уверена. Я практически ничего не помню из раннего детства – до его ухода. И его почти не помню. Запах одного из лосьонов после бритья заставляет меня замереть, а ткань в черно-белую гусиную лапку вызывает болезненные воспоминания. Он работал в газовой компании, мне говорили, что по социальному статусу он был ниже матери, и выяснилось, что семейная жизнь не для него. А может, к этому выводу я пришла сама, на основании известных мне событий. Однажды субботним утром, тогда мы с сестрой еще ходили в детский сад, он вышел за газетой. Женщина, владевшая бакалейной лавкой (теперь там сетевое кафе «Пицца-Экспресс»), сказала, что видела, как он садился на

автобус № 219. Больше его никто не видел. По крайней мере, моя мать всегда придерживалась этой версии. Я думаю, что ее успокаивала драматичность такой подачи этого события. У меня осталось несколько воспоминаний, которые не вписываются в эту картину: я помню, как они ругались еще задолго до его ухода, пустые вешалки, качающиеся в шкафу, а затем – уже после его «исчезновения» – как мы с ним ездили на ярмарку, и я каталась на каруселях. Если он и навещал нас или куда-то брал меня с собой, то, в конце концов, это прекратилось. Может, он переехал или ему это наскучило. Иногда я задумываюсь: может, он еще жив? Но он был старше мамы, а она умерла, когда ей уже было за восемьдесят, так что это маловероятно.

Моя мать никогда не работала из-за состояния здоровья, но я не помню, чтобы она получала какие-то пособия. Вместо этого, когда отец ушел, мы стали экономить на всем, во всем себе отказывать и ничего не хотеть. Мы выращивали овощи и вырезали из газет купоны, мы постоянно искали новое применение старым вещам и занимались апсайклингом (если использовать современное слово) одежды. Нам не приходилось выплачивать ипотеку – дом достался отцу в наследство от тети. В те годы район Тутинг не представлял собой ничего особенного. Но с тех пор все очень сильно изменилось. Если не ошибаюсь, агенты по недвижимости теперь называют эту территорию Тринити-Филдс. Хотя для меня все еще удивительно, что кто-то тратит столько, сколько потра-

тили Тилсоны, на дом здесь, да еще и обустроивает подземный этаж.

Мне потребовалось какое-то время, чтобы смириться с идеей «соседей». В моем детстве сюда никто не переезжал, хотя наш округ был вполне густонаселенным. Родители моей матери погибли во время бомбежки во Второй мировой войне, и она переехала к бабушке в Истборн. Это была суровая дама из Викторианской эпохи, и ребенком моя мама уходила в свой мир, стараясь скрыться от окружающей ее действительности (грусти, страха и ужасной скуки), и расцвечивала его яркими красками. Она так никогда и не избавилась от этой привычки. Она устанавливала отношения со всеми существами, как реально живущими, так и воображаемыми. У нее была огромная коллекция разных фигурок, связанных с лесом, больше всего она любила зайцев. Она говорила о ежах, птицах и лисах так, словно лично знала каждого из них. «Мистера Ежа отправили искать червячков». «Ой, ты только взгляни, дрозд Руфус прилетел посмотреть, как у нас идут дела». Если в доме что-то пропадало, мама винила в этом Добываек – семью крошечных человечков, которые жили под половицами и за плинтусами. Мама так часто о них говорила, что когда я в гостях у подруги наткнулась на книгу Мэри Нортон⁷, то страшно опозорилась, и потом надо

⁷ *Мэри Нортон* (1903–1992) – английская детская писательница, автор фантастического романа «Добывайки» о семье крошечных людей, которые тайно живут в стенах и полах английского дома и «добывают» вещи, чтобы выживать.

мною долго смеялись на детской площадке – я настаивала, что эта книга была написана про наш дом. Можно было перерыть весь дом в поисках потерянной вещи, все в комнате перевернуть вверх тормашками в поисках, например, носка или транспорта, и если тебе все-таки удавалось его найти, то это считалось не твоей заслугой, а заслугой невидимого жильца по имени Святой Кристофер. Если речь шла о чем-то более серьезном, то мы должны были благодарить наших ангелов-хранителей – у каждого из нас был свой. Кстати, после удаления гланд именно мой ангел-хранитель сидел у меня на кровати в больнице, а не мать.

Мило, правда? На самом деле это было совсем не так. Скорее, это была тирания. У каждого предмета в доме была душа. Мать никогда не оставляла одно яйцо в коробке, «чтобы ему не было скучно, и оно не чувствовало себя одиноким». Мы всегда заваривали листовой чай, чтобы не расстраивать пакетики, разделяя их друг с другом. Подушки у нас на диване лежали в строгом, заранее определенном порядке – семейной группой. Мягкие игрушки и старые вещи никогда не выбрасывались. Я очень любила карандаши швейцарской компании Caran d’Ache, но каждый из них должен был быть одинаковой длины с остальными, даже белый. Мать заставляла меня рисовать каждым из них в равной мере, чтобы не задеть ничьих чувств.

Как-то раз молодой врач, который приходил к ней, заметил, как она расстроилась из-за того, что пришлось прини-

мать одну таблетку. Он пояснил мне, что это психическое расстройство. Врач сказал, что с острой эмпатией такого рода трудно справиться: она связана с повышенной чувствительностью к мелочам. Мы решили, что это последствие ее болезни, попытка от нее отгородиться. Но в последнее время я много обо всем этом думала. Эйлса говорит, что жизнь в такой обстановке повлияла на меня. Это многое объясняет. Возможно, это наследственная черта, которая была присуща моим предкам.

Вначале казалось, что я смогу этого избежать. Я в нашей семье была умной, а сестра – красивой. После школы я поступила в университет, в Королевский колледж в Лондоне, – я из того поколения, которому повезло получить бесплатное образование. Жила в общежитии при университете, потом и в других самых разных студенческих берлогах в районе, именуемом «Слон и Замок». Когда получила диплом и начала писать диссертацию, случились две вещи: здоровье матери стало значительно хуже, а сестра решила, что ей надоело за ней ухаживать. В результате я вернулась домой.

В любом случае у меня возникли проблемы. Как и все семейные мифы, моя репутация «умницы» оказалась преувеличением. Честнее было бы сказать, что я «чуть умнее среднего». Написание диссертации, высокомерно названной «Культура и процесс познания в эволюции языка» оказалось выше моих сил. Я пропустила крайний срок сдачи, были назначены новые заседания, но я уклонилась от посещения. Я

приехала домой и с возмущением наблюдала, как Фейт пакует чемоданы, чтобы отправиться в Брайтон и начать там новую жизнь, хотя в глубине души чувствовала облегчение. Если мать окажется недостаточно благодарной за мою жертву, то у меня будет повод для негодования. Меня это устраивало. И двадцать лет я обижалась на нее, винила из-за работы, на которую вынуждена была устроиться. Вначале я пошла работать в библиотеку, и все складывалось неудачно: начальница меня ненавидела, и там было слишком много детей; затем я устроилась в муниципалитет – в отдел культуры и отдыха – и там чувствовала себя не менее несчастной, чем в библиотеке. Я лелеяла эту обиду, я любила ее, как любят хорошо послужившую, но уже начавшую подгнивать старую лодку. И я продолжала обижаться на мать даже те десять лет, которые сложились удачно – я устроилась внештатным помощником редактора Большого Оксфордского словаря английского языка. Я должна благодарить старого университетского друга Фреда Пуллена за то, что рекомендовал меня на эту должность. Она идеально мне подходит. Это большой и давний проект – мы дополняем и вносим исправления в словарь. Работа началась в 1999 году, и бог знает, когда она закончится. Вероятно, никогда, что меня лично очень устраивает. В основном я переписываю уже существующие статьи. Другие команды отвечают за неологизмы⁸. Я помогаю переделывать

⁸ *Неологизм* – слово, значение слова или словосочетание, недавно появившееся в языке.

старые определения, использую новые доступные источники в интернете, при необходимости дополняю и исправляю цитаты и выдержки. Это трудная работа, иногда захватывающая, но чаще нудная. Мне она приносит удовлетворение.

Эйлса выключила воду. Я заметила, что над головой перестали грохотать и звенеть старые железные трубы. Даже по ее меркам она справилась быстро. Она ненавидит ржавые подтеки на эмали, говорит, что они напоминают кровь. Ничто в моем доме ей не нравится. Она не может не сравнивать его со светлым, просторным домом по соседству: отреставрированные деревянные полы и стальные двери в индустриальном стиле – тщательно подобранное сочетание старого и нового. По сравнению с этим мои комнаты – просто мешанина из всего. Сперва она хотела как-то это исправить, но теперь отказалась от этой идеи. Мой дом больше не один из ее проектов, как и я сама. Ей приходится беспокоиться о более серьезных вещах.

Сегодня вечером я должна держать ее подальше от телефона. Ее просто тянет заглянуть в Инстаграм: открыть свой профиль, пролистать старые фотографии, вернувшись к счастливым дням – ее торты, дом, дети, Том. Это очень грустно. Считается, что можно почувствовать себя несоответствующей или даже ущербной, рассматривая фотографии других людей, но не свои собственные. Может, я постараюсь убедить ее почитать какую-нибудь из книг, которые специально взяла в библиотеке – она любит триллеры, на полке

«только что вышедших» книг их стоял целый ряд. Кажется, все о женщинах, которые понимают, что их мужья психопаты, но что тут поделаешь? Просто читая такие книги, убийцами не становятся.

Вчера вечером во время паб-квиза Мэйв спросила меня, не боюсь ли я оставлять Эйлсу у себя.

«Ты же не знаешь, что она может выкинуть. А что если она выйдет из себя? А если на тебя набросится?»

«Мы подруги», – улыбнулась я.

«Откуда ты знаешь? Ты слишком...»

Она не закончила предложение, но я знала, о чем она думала. Я оглядела сидевших за столом – разношерстную публику, которая раз в неделю собирается в «Собаке и лисиче», – и увидела в их глазах то же самое: я слишком доверчивая, слишком одинокая, я готова пустить в дом кого угодно, только чтобы не быть одной и не дать тьме сомкнуться надо мной.

Грохнула дверь ванной, я слышу скрип половиц. Эйлса пересекла площадку и стоит на самом верху лестницы. Если я напрягу слух, то смогу сказать, пойдет ли она в мамину спальню. Уже несколько дней она что-то ищет в высоком комодке. Я не знаю, что именно. Она разозлилась, когда я ее об этом спросила. Нет, не пошла. Спускается вниз: я слышу шаги, этот ритм шагов ни с чьим не перепутаешь – она ступает очень робко. Она говорит, что моя лестница опасная.

Я должна убедиться, что она поест.

Сейчас я спрячу свои записки. Я не хочу, чтобы она знала, чем я занимаюсь. И в любом случае я уже достаточно о себе написала. Я пролистала написанное и могу сказать, что дело пошло. Вот в чем проблема человеческой природы. Мы все думаем, что наши жизненные истории захватывающие, считаем себя героями наших собственных маленьких мирков. Нам всем нравится звук собственного голоса.

Глава 3

*Пылесос марки Henry NRV мощностью 620 Вт,
красного цвета.*

*Sialoquent, прил. – брызгающий слюной во
время разговора.*

Мне странно оглядываться назад и видеть себя такой, какой я была до того, как они сюда переехали. Мне почти жалко себя, свою наивность. Кажется, что всю предыдущую жизнь я будто задерживала дыхание.

Когда я впервые увидела Эйлсу, она стояла посередине тротуара и спорила с инспектором дорожного движения.

– О боже мой, ну что ж такое-то?! – говорила она, сложив ладони и прижав их к щеке в какой-то обаятельной и умоляющей манере. – Послушайте, я же только на две минуты остановилась. Вы не можете так со мной поступить. Муж меня убьет. Пожалуйста. Я прямо сейчас уберу машину. Не надо выписывать штраф. – Она скрестила руки на груди. – Пожалуйста, просто разорвите его. Пожалуйста. Ради меня.

Рядом с ней – наполовину на дороге, наполовину на тротуаре – стоял синий «фиат 500». Она явно так припарковалась, чтобы выгрузить пакеты с покупками (стоянка перед домом уже была занята другой их машиной – огромным

серебристым монстром-внедорожником). Ошибка новичка. Мы живем на так называемой красной трассе и мешать движению здесь считается преступлением против человечества.

– Ну спасибо! – сказала она. – Большое спасибо. – Инспектор засунул штрафной талон ей под дворник и сел на свой мопед. – Хорошего дня, черт вас побери, – крикнула она ему в спину и махнула рукой.

Я толкнула калитку и зашла в свой двор.

И тут Эйлса крепко выругалась.

Я лишь слегка улыбнулась и позволила калитке захлопнуться за моей спиной. Я не была с ней согласна, не люблю обобщения. Возможно, я насторожилась, поскольку что-то в ней напомнило мне Фейт. Может, та же сдерживаемая энергия? Она была как сжатая пружина, готовая в любой момент распрямиться. Да и Натан работает в нашем районе много лет, он довольно милый.

Тогда она сделала шаг мне навстречу и представилась.

– Мы переехали в соседний дом, – сказала она. – Вчера.

Она кивнула через плечо на дом номер 422, словно мне нужно было это объяснение.

– О, правда? – произнесла я, прилагая усилия, чтобы продемонстрировать соответствующую ситуации заинтересованность.

Она не одна такая – многие делают ремонт и думают, что соседи не слышат и не замечают строительные работы, потому что сами-то хозяева при этом не присутствуют. Конеч-

но, я знала, что они вчера переехали. Да вся округа знала, что они вчера переехали. В последние тринадцать месяцев большинство из нас ничего не ожидало и не желало так, как их переезда. Тринадцать месяцев тут что-то постоянно сверлили, сновали бульдозеры, воздвигали леса, что-то гремело, визжали пилы, орала и грохотала музыка, ругались и вопили нервные строители. Я знала вкусы новых соседей – им привезли железную ванну на львиных лапах, а пластиковую душевую кабину демонтировали. Я знала, например, что их диван и стиральная машина из John Lewis⁹, а кофейный столик и странное изголовье кровати – из Ока¹⁰. Если честно, я даже знала, что ее зовут Эйлса Тилсон и она работала в отделе кадров, замужем за Томом Тилсоном, руководителем звукозаписывающей компании. У них трое детей, включая близнецов (возможно, зачаты с помощью ЭКО?). Они переезжают в Лондон после того, как у них что-то не сложилось в Кенте. Вы только не думайте, что я специально добывала эту информацию. Просто невозможно этого не узнать, если живешь целый год рядом со строительной площадкой, и к тому же ты достаточно вежливая, чтобы время от времени угостить рабочих или соседей чашечкой чая. Она обо мне, конечно, ничего не знала.

– Меня зовут Верити, – представилась я.

⁹ *John Lewis* – сеть известных магазинов Великобритании, считаются эталоном качества по доступной цене.

¹⁰ *Oka* – магазин мебели класса «люкс» и классических аксессуаров для дома.

Не обращая внимания на автобус № 319, который так и стоял за машиной, ожидая, пока она ее уберет, Эйлса протянула руку над калиткой для рукопожатия, и ее левый локоть так и остался на моем заборе – она оперлась на него, словно на письменный стол. На первый взгляд у нее были заостренные черты лица, бросались в глаза большие ноздри на вздернутом носу, кожа была натянута на скулах. Я обратила внимание на выделяющийся желобок между верхней губой и носом и родинку под нижней губой. На Эйлсе была объемная куртка цвета хаки с капюшоном, отороченным мехом. Успешные молодые мамочки у нас в округе любят такие куртки. Благодаря этой куртке я и могу сейчас сказать, когда произошла эта встреча – в середине февраля, мы как раз страдали от прихода антициклона с востока. Пару недель стояла относительно теплая погода, а потом пришел холодный фронт с пронизывающими ветрами и ледяным дождем. Сейчас это трудно представить – лето только что закончилось, но я помню, как тогда сняла перчатки, чтобы вставить ключ в замок, и мои пальцы онемели от холода. Мне было любопытно с ней познакомиться, но еще больше хотелось попасть в собственный дом.

Она не задала мне никаких вопросов, даже не поинтересовалась, живу ли я одна или с семьей. Точно так же она не проявила никакого интереса к моему участку, хотя он мог ее заинтересовать, ведь был зеркальным отражением ее собственного – по крайней мере, до их «усовершенствований». Она

даже на него не взглянула. В тот раз я решила, что она или поглощена своими мыслями или эгоцентрик, но теперь-то я знаю, что она просто принимает «отличия» как факт, никого не осуждая. В тот раз она только рассказала, что они в последний момент решили отполировать пол в гостиной и постоянный шум «буквально сводит ее с ума».

«Расскажите мне об этом», – хотелось сказать мне, но я промолчала.

Потом она убрала руку с моего забора, со словами, что надо переставить машину, пока этот козлина не вернулся.

– Простите, сорвалось, – добавила в конце.

Когда на днях ее адвокат спрашивал нас о первой встрече, стало понятно, что Эйлса совершенно о ней забыла. Она считала, что наша дружба началась несколькими днями позже – когда мы встретились для обсуждения деревьев. Очевидно, что тогда я интересовала ее больше, чем при первой встрече. Поэтому когда я оглядываюсь назад, то представляю прошлое так, будто наблюдаю за Эйлсой со стороны, а она об этом не знает. Я наблюдаю за ней как объективный свидетель, может, член коллегии присяжных, который не знает ее историю. Говорят, о человеке можно судить по тому, как он разговаривает с официантами, поэтому я предполагаю, что еще точнее о человеке можно судить по его поведению с инспектором дорожного движения. Я не вожу машину. Но я обращала внимания на то, что люди, которым выписали штраф, испытывают непропорционально сильную ярость и

считают, что их права нарушили. Я считаю, что Эйlsa умеет поставить себя на место другого человека, она – одна из наименее категоричных и нетерпимых людей среди всех моих знакомых, она не склонна кого-то оценивать и осуждать, но ее реакция на Натана была очень сложной. Я думаю, что ее взбесил не только штраф, но и то, что Натан совершенно не поддался ее чарам. Позже я узнала, что, будучи единственным ребенком в семье, она считала себя обязанной поддерживать дома равновесие. Именно ее веселость и жизнерадостность помогали родителям оставаться вместе. Но в тот раз ее чары и обольщение не сработали. Потом она очень постаралась скрыть свою панику – в ее фразе «Хорошего дня, черт вас побери» почти идеально сочетались вежливость и сарказм. И еще ее, на самом деле бессмысленное, решение подойти и поговорить со мной – несмотря на холод, хаос на проезжей части, яростно сигнализирующий автобус. Была ли это доброта? Мне хочется думать, что да. Или, может, притягательной для нее оказалась моя холодность? Она почувствовала мое неодобрение и захотела мне понравиться, перетянуть меня на свою сторону. Почему? Это было неистовое желание нравиться? Или отчаяние женщины, которой были нужны союзники?

Что касается использованного ею слово *sunt*, грубого обозначения влагалища. Оно появилось в среднеанглийском¹¹, пришло из немецкого. Родственные слова есть в норвежском

¹¹ *Среднеанглийский* – английский язык XI–XV веков.

и шведском языках – kunta, а также в средне-нижненемецком, голландском и датском – kunte. Не из тех слов, которые следует произносить, не будучи уверенным в своей аудитории. Считайте его ручной или дымовой гранатой, которые полиция бросает в здание перед тем, как в него войти. Бросайте – и посмотрите, кто останется. Но это точно так же могла быть и сигнальная ракета, выпущенная со спасательной шлюпки. Если хотите – крик о помощи.

Неделю или около того мы совсем не общались с новыми соседями. За это время они установили дровяную печь, потом подали заявление на проектирование парковочного разворотного круга перед домом, «чтобы подъезжать и отъезжать на передней передаче». Они также подписались на еженедельные поставки здоровой еды от «Заботливого шеф-повара». Вечером в субботу их не было, а их четырнадцатилетняя дочь Мелисса, или Лисса, как ее обычно громко подзывали родители, устроила вечеринку для нескольких друзей и оставила в моем саду пустые банки из-под пива и коробку из-под жареной курицы. За это время они выбросили две сломанные картинные рамы из Ikea и большой красный пылесос Henry со сломанной насадкой.

Во вторник, ближе к вечеру, я снова столкнулась с ними. Я работала за письменным столом в комнате с окнами на дорогу. В это время дня движение очень оживленное, так что я слушала радио с классикой в наушниках, которые отсека-

ют весь внешний шум. Я только что получила новую партию слов – anger (гнев), angst (тревожность) и anguish (душевная боль). Я чувствовала возбуждение от погружения в новую работу и успела просмотреть данные по новой тематике. Я не слышала, как он вошел в калитку, но почувствовала его у своей входной двери. Он использовал дверной молоток, хотя у меня есть работающий звонок. Бах-бах – это был сигнал тревоги, не отреагировать на который было невозможно. Стекла задребезжали в рамах, бумаги у меня на столе задрожали.

Газета Sun назвала бы их парой из сказки. Том Тилсон на самом деле был красивым мужчиной – темно-каштановые волосы со щегольской укладкой, волевой подбородок и голубые глаза. Недавно я прочитала, что симметричные черты лица являются важным фактором в привлекательности человека, и у него с этим делом был полный порядок. Одет он был вроде бы небрежно, но ужасающе дорого, в стиле миллиардеров, сделавших деньги на высоких технологиях: синие джинсы, белая футболка, тяжелые кроссовки. Но я всегда думала: «Бедняга! Тебе было бы гораздо комфортнее в костюме». На мой вкус, он был довольно коренастым и со слишком толстой шеей, на лице заметны крупные поры, широко посаженные голубые глаза смотрели холодно. В целом он выглядел как человек, который жил и продолжает жить на полную катушку. С такой внешностью возраст не красит, хотя теперь даже поминать об этом неловко.

К тому времени, как я открыла дверь, Том сделал уже несколько шагов назад и стоял на середине дорожки широко расставив ноги, глядя на окна верхнего этажа. Его, в отличие от Эйлсы, мой дом заинтересовал. Я прикрыла за собой входную дверь – на случай, если он намеревался заглянуть внутрь.

– Да, – сказал он, словно мы уже давно вели разговор. – Нам нужно обсудить несколько вещей.

– Каких?

– Давайте начнем с деревьев.

Его футболка выбилась из джинсов с одного бока, и он демонстративно нагнулся в сторону, чтобы заправить ее, при этом громко вздохнув. Это действие одновременно преследовало две цели: показать превосходство в общем и целом, а в частности продемонстрировать раздражение в данном конкретном случае.

Я спросила его, о каких деревьях идет речь. Он ответил, что о деревьях, растущих вдоль моего забора позади дома.

– Это же яблони, да? И еще остролист и плющ. Вы же знаете, что это сорняки? Я не хочу, чтобы они разрослись на мой участок. Ваш сад такой заросший!

Я молча смотрела на него, он помахал рукой у меня перед глазами.

– Мы должны остановить это вторжение.

Он был раздражен, возможно, из-за этого в его речи осо-

бенно четко слышались сибиллянты¹², и вместе с шипением изо рта вылетали капельки слюны.

Из-за менопаузы (ну, на самом деле перименопаузы) я стала несколько раздражительной, так что тут же заняла оборонительную позицию. И, боюсь, мне совсем не понравилось это «мы». Я быстренько отделалась от Тома и вернулась в дом, хлопнув дверью.

Сейчас мне стыдно из-за произошедшего. Я понимаю, что могу не нравиться, но эта стычка в самом начале задала тон наших отношений. Может, мне следовало приложить усилия, постараться относиться к нему лучше, посочувствовать – ведь он оказался в ловушке своего воспитания и образования, из-за которых стал таким, каким стал. Дело в том, что меня устраивала моя непроизвольная реакция – отмахнуться от него, как от высокомерного и надменного типа. Я почувствовала, что на меня нападают, – и мне нужен был предлог, чтобы от него отделаться. Если бы я была честна сама с собой, то поняла бы, что эта возня с футболкой, которую он заправлял в джинсы, и это помахивание перед моим лицом были признаками застенчивости и смущения. Он только притворялся расслабленным. Конечно, он хотел добиться своего, но не был уверен, что ему это удастся.

Так что да, мне действительно его жалко. Думаю, как и

¹² *Сибиллянты* – свистящие и шипящие согласные звуки, при произношении которых поток воздуха стремительно проходит между зубами. В русском языке примерами могут служить слова «сок», «щит», «час» и т. п.

любому. И трудно не вспомнить, каким физически сильным был этот мужчина – кожа над поясом его джинсов, волосы на тыльной стороне ладоней, напряженные мускулы под белой хлопковой футболкой. Это тело двигалось, работало, могло принимать решения, делать глубокие вдохи, всплескивать руками, оно могло шевелиться, если хотело! Мне сейчас трудно о нем писать и не думать о том, как то же самое тело, холодное и неподвижное, лежит на столе патологоанатома, как его разрезали, как в нем копались, а потом снова зашили.

Глава 4

Женская блузка Next, розового цвета, размер 12.

*Trichotillomania, сущ. – трихотилломания:
навязчивое желание выдергивать собственные
волосы.*

Этим утром я застала ее в саду. Она вышла через кухню, хотя я думала, что заперла заднюю дверь. Она нашла пару старых ящиков из-под пива и поставила их один на другой у забора, чтобы заглянуть на другую сторону. На ней был халат и старые тапочки, волосы не причесаны. Халат из бледно-розового флиса по пути зацепился за кусты ежевики, и несколько сухих листьев прилипли к подолу.

На голой лодыжке электронный браслет. Если приглядеться, он довольно громоздкий, серого и черного цветов, чем-то похож на часы Apple Watch. Я заметила, что браслет натирает кожу, и из-за этого опять обострилась ее экзема – яркая сыпь вдоль ремешка.

Услышав мои шаги, она повернула голову. Ее губы обычно были лилово-красного цвета, но этим утром казались почти синими.

– Я хочу пойти на соседний участок и подстричь газон.

– Ты же знаешь, что этого нельзя делать. Дом сдан. Там

сейчас кто-то живет.

Там поселился французский банкир по краткосрочному договору аренды. Он платит так мало, что это кажется просто преступлением. Но, по крайней мере, он там почти не бывает. Если бы поселилась семья, было бы гораздо больше шума. Я думаю, если бы за забором играли дети, – это бы убило ее. Ей нужны деньги. Плюс одно из условий ее освобождения по залог – не приближаться к их дому. И это условие предложила не прокурор, а ее собственный адвокат.

– Это произведет хорошее впечатление, – заявил Стэндинг. – Если вы будете слишком расстроены, чтобы возвращаться в дом, вроде как воспоминания слишком болезненные.

Я решила, что сейчас не лучшее время, чтобы напоминать ей об этом.

– Я хочу полить растения. Ведь стоит такая сухая погода, и кустики ирги выглядят просто несчастными. У них такая сложная корневая система, и находится она близко к поверхности. И ее явно повредили. Им не нужно много воды, но сколько-то нужно. Я не хочу, чтобы эти кустики погибли.

– Ш-ш-ш, – резко сказала я. – Говори потише. – Мне не нравится, когда она демонстрирует свои обширные познания в садоводстве. – Скоро пойдет дождь.

Эйлса снова уставилась на свой бывший участок и воскликнула:

– Что же они натворили, Верити?! Почему они уничтожи-

ли мой сад?!

Я сделала шаг к ней. В это мгновение я вспомнила свою сестру на лесенке в детском игровом комплексе, а потом всплыло другое воспоминание – сенсорное: напряженные бицепсы, вес ее маленького тела.

– Они искали вещественные доказательства, помнишь? – спросила я. – Им требовалось перекопать участок, чтобы забрать с собой некоторые растения.

Эйлса уставилась на меня. У нее задрожали веки.

– Я знаю, – сказала она. – Я видела.

На самом деле она не видела. Но она не любит признаваться в своих слабостях. Это часть нашей с ней новой игры за власть. У нее спутались воспоминания из-за лекарств, которые она принимает, от усталости, от того, как ее вымотало все случившееся, и она винит в этом меня. Меня это не трогает. Я это воспринимаю как комплимент. Мы всегда срываемся на самых близких людях. Но дело в том, что в тот день, когда тут появлялись мужчины в скафандрах, Эйлса находилась в отделении полиции, ругалась и кричала. Это я наблюдала за ними из своего окна на верхнем этаже. Они соорудили непонятную конструкцию из нескольких туннелей и фактически уничтожили сад, на который она потратила столько денег и который так любила. После себя они оставили кучи земли, выкопанные ямы, глубокие колеи на лужайке. Мне было тревожно и жутко, пока я за ними наблюдала. Они действовали методично: начали с самой дальней части, с зоны с

полевыми цветами, от нее перешли к «взрослым» кустарникам, которые обошлись Эйлсе в кругленькую сумму, и только к концу дня добрались до террасы и горшков с травами.

– Ты не видела, – заявила я. – Тебя здесь не было.

Она отвернулась от меня и вытянула шею, но обзор был ограничен новомодной решеткой для вьющихся растений, которую она сама поставила после того, как переехала в соседний дом. Эта решетка сделана из горизонтальных планок, и Эйлсе пришлось наклонить голову под очень неудобным углом, чтобы загнуть в щель между досками. Моды бегала вокруг ящиков и куста орешника, который растет у меня на участке, и что-то вынюхивала. Эйлса как раз отодвинула локтем одну ветку и прижала к забору, но не смогла удержать, и ветка хлестнула ее по щеке. Эйлса покачнулась, ящики зашатались. Спрыгивая, она схватилась за ветку и поранила ладонь.

Мне хочется думать, что она рассердилась из-за шока и боли, и поэтому говорила со мной так злобно.

– Я не могу поверить, в каком ужасном состоянии находится ваш сад! – воскликнула она. – Здесь так темно. Все дело в остролисте, яблонях и орешнике. Ваш сад выглядел бы гораздо лучше, если бы вы их все срубили и все тут расчистили. – Она огляделась, делая круговые движения руками. – Том был прав. Здесь все вышло из-под контроля.

Приглашение пришло на почтовой открытке: «Вы свобод-

ны вечером в пятницу? Скажем, в шесть? Заходите, если хотите пропустить по стаканчику. Эйлса и Том (дом № 422). ХХ¹³».

Я внимательно изучила приглашение. Я не сомневалась, что писала Эйлса, а не Том – об этом говорила типичная для женщин округлость букв и «поцелуйчики» в конце. Открытка была из набора с обложками интересных книг издательства Penguin. Несколько лет назад Фред подарил мне такую коробку на Рождество. По опыту я знала, что самые лучшие открытки обычно отправляют людям, которые нравятся или на которых хочется произвести впечатление. Я получила одну из самых скучных – даже картинка отсутствовала, обычная оранжево-белая обложка книги. То ли открытки у них уже заканчивались, то ли я считалась получателем с низким статусом. (Кстати, это была открытка с изображением обложки «Капкана» Синклера Льюиса, только давайте не будем искать в этом какой-то скрытый смысл.)

Сформулировано так, словно приглашали только меня, но я не была уверена, что окажусь единственной гостьей, так что приложила кое-какие усилия, чтобы выглядеть прилично. На самом деле я даже купила новую блузку. Она оказалась мне маловата, да еще и розового цвета, но в магазине Королевского Троицкого хосписа¹⁴ на тот момент не нашлось

¹³ ХХ в конце сообщений в современном английском языке означает «целую».

¹⁴ *Королевский Троицкий хоспис* – старейший хоспис в Великобритании, который оказывает бесплатную паллиативную помощь и владеет 32 магазинами в

ничего лучше.

Я решила, что немного опоздаю, как теперь модно, но не могла себе позволить задержаться дольше, чем до десяти минут седьмого, после этого преодолела короткий путь, разделяющий наши дома. Огромный серебристый джип был припаркован поперек подъездной дорожки, багажник открыт. Внутри в два яруса втиснули многочисленные ящики с рассадой. Я плохо разбираюсь в растениях, поэтому не могу сказать, что там точно было – все они были разных оттенков зеленого, некоторые – приземистые и маленькие, другие стелющиеся, третьи оказались небольшими кустиками. Я заглянула в машину – пахло землей и пластиком. Я заметила легкое движение – в горшках и ящиках шевелились гусеницы и тля. На сиденье стояло оливковое дерево – обмотанное пленкой, неподвижное и прямое. Почему-то я подумала, что оно похоже на труп.

Не успела я постучать, как дверь открыла незнакомая мне женщина. На ней была джинсовая мини-юбка, толстые шерстяные колготки с рисунком, резиновые сапоги до лодыжек, волосы собраны в растрепанный пучок. При виде меня она сделала шаг назад, и на мгновение показалось, что она собирается захлопнуть дверь у меня перед носом. Но когда я представилась, она долго и с сомнением осматривала меня, потом сказала:

Лондоне. В них продаются новые и подержанные товары, а выручка от продажи и обеспечивает средства на уход.

– Да. Хорошо. Проходите.

После этого она прошла мимо меня к машине. Я поколебалась мгновение, потом сама вошла в дом.

Я бывала в доме раз или два, пока тут работали строители, но впервые видела его в законченном виде. Первое впечатление: будто я оказалась в фильме или во сне – душа героя, только что покинув тело, оказывается в темном коридоре и движется к яркому свету в конце него. Белые и голые стены, за исключением огромного зеркала в серебристой раме над полкой в прихожей. Викторианский кафель, который здесь раньше был уложен в шахматном порядке, заменили огромными плитами из светлого камня. Казалось, этот коридор уходит в бесконечность. На левой стороне за открытой дверью я разглядела комнату с огромной люстрой, похоже, из лебединых перьев.

Меня иногда приглашали на ужин к Гербертам, которые здесь жили раньше. Я помнила их кухню, где был вечный беспорядок. Всюду ножи, холодильник весь в магнитах, растения в горшках, детские рисунки, кулинарные книги, над плитой сложная конструкция для кастрюль. В задней двери была дверца для кота, и пластик все еще оставался черным от грязных лап их сиамца, который умер много лет назад. В кухне всегда пахло чесноком и карри, а иногда и рыбой.

Тилсоны убрали все, что тут было у их предшественников, пробили стены в кладовку и пристройку, создав единое пространство. Теперь по правой стороне шел ряд блестящих

белых шкафчиков, стояла огромная плита из нержавеющей стали. В центре был оборудован островок и мойка с блестящими кранами. Слева установили безупречно чистую белую эмалированную дровяную печь, которая не использовалась, и длинный стол из светлого дерева. Задняя стена стеклянная с черными стальными рамами – как я потом узнала, это была перегородка от фирмы Crittall¹⁵. В кухне пахло льняным семенем и лавандой. Если верить, что дома дают ключ к разгадке личности их обитателей, то интерьер Гербертов выдавал вышедших на пенсию преподавателей, с богатым внутренним миром и семейными традициями. Теперь же дом напоминал декорации, и «прочитать» в нем что-либо было невозможно. Создавалось впечатление, что хозяева сошли со страниц журнала, выпрыгнули словно из ниоткуда.

Я не закрыла входную дверь, и шум с дороги приглушил звук моих шагов – проносились машины, на заднем фоне звучали гудки и свист, чем-то напоминающие рокот морских волн, время от времени раздавались рев и фырганье. Поэтому когда я спустилась по маленькой лесенке и остановилась у входа в кухню, ни один из присутствующих не заметил моего появления.

Теперь, вспоминая ту сцену, я думаю, что, возможно, они просто забыли, что я должна прийти.

¹⁵ *Crittall Windows Ltd (англ. Окна Крайтталла)* – известный английский производитель окон со стальным каркасом. Продукция используется в тысячах зданий по всему Соединенному Королевству, включая здание Парламента и Лондонский Тауэр.

Том стоял у стола и читал журнал Week. Эйлса была прямо передо мной и смотрела в сад. Она оказалась ниже ростом, чем я помнила, одета была в легинсы из лайкры, кроссовки и застегивающийся на молнию топ, а кофту обвязала вокруг талии. В дальнейшем я узнала, что обвязывать одежду вокруг талии для нее обычное дело. Когда ты смотришь фильм, то, как правило, знаешь, что герои сейчас поцелуются, – расстояние между ними сокращается или просто создается впечатление, что пространство сжимается. Здесь же оно расширялось и растягивалось.

Я кашлянула, и, как олень, услышавший собаку, они оба повернули головы. Том бросил журнал на стол.

– Здравствуйте, – произнес он. – Добро пожаловать.

Эйлса приветственно приподняла руку. В этот момент я поняла, что она разговаривает по телефону.

– Хорошо. Значит, закажете такси? – говорила Эйльса, пытаясь поймать взгляд Тома. – Вы с Милли, да? На такси же нормально будет? Да, наверное. Не позднее десяти. Не позднее! Хорошо.

Она отключила связь и, заметив, что у нее испачканы руки, включила локтем кран, ополоснула их и обратилась ко мне через плечо:

– Ох уж эти подростки! У вас есть дети?

– Нет, но я знаю, что они именно в этом возрасте начинают преступать границы.

Здесь я должна сделать признание, что читаю много га-

зет и журналов. Моя мать не позволяла приносить их домой, так что после ее смерти я компенсировала нехватку. Поразительно, какое количество полезных для жизни советов можно в них найти, особенно в воскресных приложениях.

– Важно только выбрать, какая из битв для вас важнее.

– Я знаю. Нужно расставлять приоритеты, правильно?

Она многозначительно махнула рукой, легко рассмеялась – этот смех напоминал радостное щебетание птички. Она велела себя так, словно я дала ей самый полезный совет, который она когда-либо слышала. Теперь я знаю эту ее хитрость, ее склонность полностью соглашаться с человеком, рядом с которым она находится. Но тогда все для меня было в новинку, и Эйлса мгновенно показалась мне привлекательной.

Том протянул руку, чтобы забрать мой подарок – коробку шоколадных конфет с мятной начинкой. У него на ногах были те же массивные белые кроссовки, но джинсы другие. Эти оказались с более широкими штанинами и оранжевыми строчками вдоль швов.

– Мы, кажется, не очень хорошо начали, – сказал он. – У меня не было возможности должным образом представиться. Меня зовут Том.

– А меня Эйлса, – представилась она, закрывая кран и открывая тубик с густым кремом для рук.

– Верити. Верити Энн Бакстер.

– Рад познакомиться с вами, Верити Энн Бакстер. – Том широко и тепло улыбнулся мне. Он поставил коробку с шо-

коладными конфетами на стол и протянул руку, чтобы пожать мою. Он изучал меня с пристальным вниманием. Я почувствовала, как к моим щекам приливает кровь – они вот-вот станут под цвет моей новой блузки. – Что будете пить? Чай, кофе? – Он прихлопнул ладонями. – Джин?

Мгновение я колебалась, потом сказала:

– Джин с тоником было бы прекрасно.

Он нашел стакан в одном из высоких шкафчиков, поднес его к свету, проверяя, чистый ли, потом налил на два пальца джина London Gin и плеснул тоника. Лед он вытащил из специального ящичка в холодильнике маленькой металлической лопаточкой. Все его движения были экономными и очень точными.

– Так, лимон... – произнес он и достал маленький острый нож.

Мимо окна мелькнула тень – прошла женщина в резиновых сапогах с растениями в лотке.

– О боже, я же должна ей помочь! – воскликнула Эйлса. – Пойдемте со мной, посмотрите, чем я занимаюсь. Это потрясающе.

Я пересекла кухню вслед за ней и вышла через открытую дверь на участок позади дома. Герберты не особо занимались садом. Но у них там росли кусты и газон, стоял сарай. Все это исчезло. Из светлого камня, такого же, что и на полу в кухне, выложили широкую террасу. Клумбы оформили совсем недавно – земля выглядела свежевскопанной. В са-

мом конце участка я увидела то ли врытый в землю батут, то ли выкопанный пруд. Небо было свинцового цвета и висело низко, типично для марта. Парочка черных дроздов что-то искала в земле. В целом атмосфера мрачноватая.

– Великолечно, правда? – спросила Эйlsa. – У меня в Кенте был настоящий японский сад камней. Их еще называют дзен-сад. А здесь позади дома я собираюсь высадить бу-
тедь клубненосный, маки, васильки – красивые полевые цветы.

Женщина в резиновых сапогах поставила на землю лоток, положила руки на талию и распрямилась, давая отдых спине.

– Васильки на самом деле не являются полевыми цветами, – сказала она. – На обычной поляне они продержатся только год. Для них нужна вспаханная земля, именно поэтому они раньше росли на обработанных полях – до тех пор, пока их не уничтожили гербициды¹⁶.

– Да, конечно, – улыбнулась Эйlsa. – *Centaurea cyanus*¹⁷ – это однолетнее растение. Конечно.

– То же самое можно сказать про семейство маковых.

– Вероятно, мне стоит говорить про дикие цветы, а не полевые.

– Не беспокойся. Это обычная ошибка.

– Не ошибка. Оговорка. – Эйlsa продолжала улыбаться.

¹⁶ Гербициды – химические вещества, применяемые для уничтожения растительности.

¹⁷ *Centaurea cyanus* – латинское название василька.

Тогда я в первый раз видела Далилу и Эйлсу вместе и обратила внимание на напряженность в их обмене репликами. Но это не показалось мне странным. Люди с возрастом часто все больше соревнуются друг с другом. Сколько раз мне доводилось слышать напряженные, но вежливые споры о дорогах, по которым лучше ездить, или местах, в которые лучше отправляться на отдых, они часто бывали нерациональными, но личными, люди говорили с интересом и увлеченностью.

— Это Далила, — представила Эйлса. — Профессиональный ландшафтный дизайнер. Я занимаюсь садом из любви к процессу, а она ради денег. В любом случае мне сегодня повезло: она меня возила в свой питомник. Там покупать гораздо дешевле.

— Нам предстоит много работы. — Далила кивнула в дальнюю часть участка. — Все так заброшено. И здесь высокий уровень грунтовых вод.

— Подземные реки, — сказала я. — Притоки Уандл. А когда люди выкапывают подвалы, русла изменяются. — Я улыбнулась. Я не хотела никого настраивать против себя. — Это цена перемен.

— Нельзя ничего создать, вначале что-то не разрушив.

— Как и многое в жизни, — сказала я.

Далила посмотрела на меня долгим взглядом.

— Мне кажется, я видела вас в городском парке. Вы кормите птиц?

— Да, иногда.

Она кивнула, потом повернулась к Эйлсе.

– Послушай, детка, мне надо ехать. – Она поцеловала ее в щеку. – Не забудь про остальные растения. Кусты привезут завтра.

Она пошла прочь от нас и толкнула дверь из сада в кухню. Мы с Эйлсой последовали за ней.

– Том? – позвала Далила. – Оливковое дерево все еще на переднем сиденье. Есть силы занести его?

Том стоял, опершись спиной о кухонный островок, и смотрел на экран телефона. Услышав голос Далилы, он кивнул и помахал рукой, прощаясь, при этом не поднимая взгляд.

Далила показала ему средний палец. Вероятно, краем глаза он заметил ее жест, потому что показал ей палец в ответ.

– Далила с Томом – старые друзья, – сообщила Эйлса. – Они вместе учились в школе.

– Как мы целовались взад! – воскликнула Далила, похоже, надеялась меня шокировать.

– Чудеса, да и только, – сказала я, не сдержавшись.

Эйлса, которая шла за Далилой к коридору, удивленно обернулась, словно поняла, что недооценила меня. Я подмигнула ей, она улыбнулась в ответ. Трудно сказать, почему это было смешно, но думаю, именно в это мгновение мы что-то увидели друг в друге. Может, мы одинаково воспринимали абсурд, может, нам одинаково не нравилось чужое позерство и у обеих появлялось инстинктивное желание это пре-

сечь.

– Виновен по всем пунктам, – объявил Том, протягивая мне стакан – большой и высокий с ромбовидным узором. – Моя растраченная юность.

– Я уверена, что срок исковой давности по этим делам уже истек, – сказала я.

Он пододвинул мне стул, предлагая присаживаться к столу, при этом комично закатил глаза.

– Надеюсь.

Эйлса вернулась в кухню и присоединилась к нам. Я неторопливо попивала джин. Ни один из них, как я заметила, себе не налил.

Я начала сомневаться, не ошиблась ли я в Томе? Мне даже нравилось, как он вел себя со мной, с какой-то мягкой и почти отстраненной иронией. Мне понравились вопросы, которые он стал мне задавать. Нечасто доводится говорить о себе. Как давно я здесь живу? Всю жизнь? Нет! Какая поразительная привязанность к месту. Я ухаживала за матерью? Да я просто святая. Братьев или сестер нет? Есть сестра...

– О, и эта сестра сбежала?

– Можно сказать и так, – согласно улыбнулась я.

Потом начались более опасные вопросы, и они меня поразили и чуть не ввели в ступор. Знаю ли я, что стекло в окне в задней части моего дома – на втором этаже справа – сильно потрескалось? У нас общая сливная труба – были с ней какие-то проблемы? Не буду ли я возражать, если они

пригласят мастера, чтобы ее проверить? «Ее просто немного потыкают», – как выразился Том. После этой фразы я слегка дернулась и попыталась скрыть свое беспокойство, пошутив:

– Немного потыкают? Давненько ко мне не приходил мужчина, чтобы немного потыкать.

Тут в разговор очень ловко включилась Эйлса.

– Мне нравится район Тринити-Филдс, – заявила она. – Гораздо лучше Бэлхема, где мы снимали дом. Я понимаю, почему вы здесь живете. Не могу представить, чтобы мне когда-нибудь захотелось отсюда уехать.

Я спросила, почему они уехали из Кента.

Эйлса уставилась в пол, потом принялась вертеть в руках перечницу, которая стояла на столе перед ней, высыпала немного на ладонь, потерла перец между пальцами, опустила один палец в перец и лизнула его.

– Не будем про Кент, – попросил Том.

– Хорошо.

– Нам нужно было начать новую жизнь, – добавил он. – Кент не всем подходит. Если честно, я его ненавижу.

Повисла тишина.

Эйлсе выглядела очень смущенной. Она теребила волосы у самых корней, движения были напряженными, агрессивными, резкими.

– Эйлса, вы – специалист по работе с персоналом? – спросила я, чтобы сменить тему.

Тогда она подняла голову.

– Я сейчас не работаю. Трудно вернуться на работу после того, как сидела с детьми.

Я снова повернулась к Тому.

– А у вас звукозаписывающая компания?

– Нет. Нет. Не совсем так. Я юрист. Работаю в сфере развлечений. Я организовал свою собственную небольшую фирму. Работаю с шоу-бизнесом. С музыкантами. С техническими компаниями. – Он кивнул на букет цветов, который стоял на разделочном столе, все еще в целлофановой обертке. – Иногда с кинозвездами.

Я уже собиралась спросить, какая кинозвезда отблагодарила его цветами – кто-нибудь, о ком я слышала? – но тут хлопнула входная дверь и в дом ворвались двое детей.

Я знала, что им по десять лет. Макс и Беа. Близнецы. Одинаковые, но не совсем. Возникало ощущение, что девочка получилась более законченной, чем мальчик. Мальчик был бледнее и меньше ростом. У него на лбу красовался синяк, а один глаз слегка косил вниз. Веснушчатая девочка, явно очень активная, вбежала в кухню, совершенно не обращая внимания на меня, незнакомого человека за столом, и принялась открывать шкафчики.

– Что можно поесть? – спросила она. – Я умираю с голода.

Мальчик робко стоял в дверях, держа в руках футбольные бутсы, с которых на пол падали комья грязи.

Эйлса встала, забрала у мальчика бутсы и ногой откинула грязь в угол. Она положила руку ему на затылок, одновременно

менно приглаживая волосы и подталкивая его в кухню. Она представила меня, заставила мальчика и его сестру поздороваться, потом налила им сок и потянулась к верхней полке в одном из шкафчиков. Оттуда достала кекс в коробке.

– Лимонный кекс с глазурью, – объявила она, отрезая каждому ребенку по куску. – Перекус.

– Я люблю лимонный кекс с глазурью, – заявила я, продолжая наблюдать за мальчиком. – Но только если он влажный.

– Влажный! – повторила Эйлса, ставя кекс на стол. – Как забавно. Вы тоже ненавидите это слово? Самое худшее, которое только можно было придумать. Влажный.

Теперь я знаю, что это для нее очень типично, – портить шутку своими объяснениями.

– Как можно ненавидеть слово? – спросила Беа. – Если не нравится одно, используй другое.

– Я не люблю слова, – заявил ее брат. – По крайней мере, большинство из них.

– Странное заявление, – Том нахмурился. – Что о нас подумает наша новая соседка?

– Макс – идиот, – ответила девочка и уселась отцу на колени.

Они словно окружили меня. Девочка обвила руками шею отца, мальчик тихо стоял за стулом матери. Казалось, что глаза у него ввалились, а кожа под ними потемнела. Меня всегда интересовало, как строятся и развиваются отноше-

ния в семье. Я прекрасно знаю, как образуются союзы, как у родителей появляются любимчики несмотря на то, что они клянутся в одинаковой любви ко всем детям. Я ухаживала за матерью, я делала все: мыла ее, читала ей, готовила и купала то, что она заказывала, но она всегда говорила про Фейт. «О, конечно, Фейт такая молодец», – говорила моя мать всем, приходившим в наш дом. Я также знаю, что быть любимчиком может быть некомфортно, ощущать на себе давление и негодование других. «Она никогда не видит меня настоящую, – неоднократно жаловалась Фейт. – Все всегда должно быть прекрасно. Никогда нет места для неудач и чего-то плохого». Мать всегда была такой.

Я открыла рот, чтобы что-то сказать, и начала объяснять, что на самом деле – какое совпадение – слова – это моя специализация.

– Специализация? – переспросил Том, опять нахмурившись точно так же, как несколько минут назад. Я подозреваю, что он никак не ассоциировал меня с работой. Вероятно, он думал, что я провожу свои дни за приготовлением варенья или рукоделием.

– Да.

И я рассказала, что работаю лексикографом, в настоящее время тружусь над Большим Оксфордским словарем английского языка, и о том, что занимаюсь историей языка – тем, как слова и их значения меняются со временем, и моя работа состоит в том, чтобы это документировать.

Я видела, что они, как и многие люди, не понимают, что именно я делаю. Кажется, они решили, что я работаю над Кратким словарем английского языка, и что моя роль заключается не в том, чтобы фиксировать изменяющиеся значения слов, а просто в том, чтобы записать их правильно.

– Нам бы не помешала помощь с орфографией, – сказала Эйлса и протянула руку назад, чтобы коснуться ноги сына.

– У Макса трудности с обучением. Точнее, как мы теперь должны говорить, другая скорость обучения, – рассмеялся Том без какой-либо злости в голосе.

Эйлса вздохнула.

– Это значит, что домашнее задания для нас – пытка. И все дело в правописании.

– На этой неделе задали вообще невозможные слова, – заявил Макс. – Как, например, мне запомнить, как пишется «хоккей»?

– В слове «хоккей» две буквы «к». Нужны два слова, связанные с понятием «хоккей», которые начинаются на «к». Запоминаешь: в хоккей играют двое двумя клюшками. Вспоминаешь: две клюшки – и пишешь правильно.

Макс повернул голову и смотрел на меня подозрительно.

– А как насчет чего-то типа... – Он явно напрягал мозг. – Жужжание?

– Очень помогло бы, если бы ты произносил предложения без «типа», – заметил Том.

Я задумалась на мгновение.

– Жук жужжит.

Беа соскользнула с колен отца, схватила с пола рюкзак, вытащила из него лист бумаги и принялась зачитывать вслух список слов:

– Изводить. Смущать. Сорок. Отлично. Почему Макс не знает, как правильно пишется «отлично»? Потому что в конце его работ никогда не стоит эта оценка, и он просто не видел, как пишется это слово.

– Не будь злокой, – сказала Эйлса.

Я принялась импровизировать со всеми перечисленными словами, используя мнемонику¹⁸ и добавляя как можно больше ругательных слов – столько, сколько могла себе позволить. Эйлса улыбалась, но у нее на лице отражалось сомнение, однако, когда Макс стал правильно повторять слова, она рассмеялась и сказала:

– А вы не могли бы помогать ему каждый день делать домашнее задание? Я буду вам платить! Как тебе идея, Том?

Он кисло улыбнулся.

– Когда я в его возрасте не мог правильно написать слово, мой отец просто порол меня, пока я не начинал писать без ошибок. Это тоже один из методов обучения.

– Но я думаю, что занятия с Верити гораздо лучше, не правда ли? По крайней мере, я так считаю. – Эйлса протя-

¹⁸ *Мнемоника* или *мнемотехника* – совокупность специальных приемов и способов, облегчающих запоминание нужной информации путем образования ассоциаций (связей).

нула руку и сжала мою. – Спасибо вам.

Я сделала еще один маленький глоток джина с тоником. На самом деле он оказался очень крепким. Я откинулась на спинку стула и скрестила лодыжки. Я почувствовала себя на удивление комфортно, представляя, как навожу порядок в этой маленькой семье.

– Итак, Верити, у вас есть собака, – произнес Том, глядя на меня.

– Есть, – кивнула я. – Из приюта. Помесь кого-то с терьером. Большая любительница белок.

– Значит, она в саду лает на белок? – уточнил Том.

Эйлса наблюдала за ним со спокойной и безмятежной улыбкой на губах. Ее пальцы снова принялись перебирать волосы. Она отделила одну прядь, резко потянула. Еще много раз я увижу этот жест.

Я поставила стакан на стол. На ободке остался след жуткой розовой помады. Я вытерла его пальцем.

– Да. Или на лис. Она... – Я сделала паузу для большего эффекта. – Она также любит лис.

Разглаживая юбку, я заметила пятно чуть выше колена – пролила томатный соус, когда открывала банку с печеной фасолью.

– Предложение, – спокойно сказал Том. – Один из способов отвадить лис и заставить замолчать собаку – это немного вырубить заросли в вашем саду. Как я говорил на днях, если вы расчистите все эти разросшиеся кустарники, это будет

демонстрацией добрососедских отношений. У вас там куча сорняков. Бог знает, что там растет! Мы здесь пытаемся обустроить красивый сад и не хотим, чтобы всякая неизвестная гадость пробралась и к нам. Плющ всюду расползается. А эти ваши деревья – остролист, яблони, еще какие-то – закрывают нам свет.

Я потеряла запястья в тех местах, где остались следы от слишком тугих манжет новой блузки. Молчание затянулось, и я почувствовала, как и внутри меня что-то напряглось. Линии фронта обозначена. Как глупо с моей стороны было думать, что их может интересовать мое общество.

Я выпрямила спину, старалась думать о мнемонике и быть благодарной за джин. Я улыбнулась, глядя на их лица, на которых было написано ожидание.

– В таком случае посажу маленькую сливу, – сказала я.

Лицо Тома расслабилась.

– Это отличная новость. – Он хлопнул в ладоши. – Супер. – Он кивнул Эйлсе и, отодвинув стул, пошел к телефону, который поставил на зарядку. – Извините меня. Мне нужно кое-что проверить. – Он стал просматривать сообщения, затем, нахмурившись, сам написал одно. – Когда ужин? – бросил он жене, не отрывая глаз от экрана.

Эйлса глубоко вздохнула. Мне показалось, что она таким образом снимала напряжение. Она принялась собирать крошки в небольшую горку.

– А когда ты хочешь?

Он не ответил.

Когда я встала и объявила, что пора идти, никто не предложил мне остаться.

Они вдвоем проводили меня до входной двери – возможно, были благодарны за то, что ухожу, определенно были благодарны за то, что я в скором времени начну грандиозную расчистку своего сада (НЕТ!). На столе в прихожей стоял пакет со старой одеждой. На пакете было написано «Британский Фонд сердца». Должно быть, мой взгляд задержался слишком долго, потому что Эйлса взглянула на меня, ее губы приоткрылись, словно она собиралась что-то сказать, но не смогла подобрать нужные слова.

Я не могла этого вынести, поэтому повернулась к Эйлсе и сказала, что местная церковь собирает пожертвования для нуждающихся, и, если ей это поможет, я могу отнести им вещи. Она кивнула с явным облегчением и вручила мне пакет.

Об этой первой встрече можно многое рассказать. Конечно, я почувствовала какой-то дискомфорт – что-то в этом доме было не так. По поведению Эйлсы складывалось впечатление, что она подавлена. Но когда я дошла до ворот и обернулась, они вместе стояли в дверном проеме. Он обнимал ее за плечи, она прижималась к нему. Или все дело в том, что он сказал? «Нам нужно было начать новую жизнь». Они выглядели идеальной парой на пороге своего нового дома.

В то время я сосредоточила внимание не на развитии отношений между ними, а на моих взаимоотношениях с ними.

Понимаете, они уже тогда начали меня втягивать.

Глава 5

Один переходник для велосипедного насоса, красный.

Petrichor, суш. – запах сырой земли после дождя: приятный, характерный запах, который часто появляется во время первого дождя после длительного периода жаркой сухой погоды.

В это утро я видела Розу на почте. Она стояла в очереди передо мной, в руках у нее были пакеты из интернет-магазина ASOS, которые она собиралась отправлять обратно. Еще одна мать, выполняющая грязную работу за детьми-подростками. Вначале я думала спрятаться, но в конце концов отказалась от этой мысли. Из всех людей, предавших Эйлсу, Роза оказалась хуже всех. Я никогда не прощу ее за то, что отвезла детей к родителям Тома. А они всегда считали, что Эйлса недостаточно хороша для него. И кто знает, что они сейчас наговаривают им про нее? На кончике языка вертелись слова, которые я хотела сказать Розе. Вместо этого я стояла с невозмутимым видом. Честно.

Что случилось с ними со всеми? Куда они делись? Знакомые из книжного клуба. Женщины из группы по пилатесу. Далила? Смерть, конечно, всегда приводит в замешательство. Я вспоминаю всех соседей, которые при виде ме-

ня переходили на другую сторону улицы после смерти матери. А насколько хуже, если главная плакальщица, как говорят, ускорила смерть усопшего? Что тогда делать? Выражать соболезнования или поздравлять? Это я пытаюсь проявить остроумие. Но меня тревожит желание подруг Эйлсы повернуться к ней спиной и заявить: «Она оказалась совсем не такой, как я думала». У них все получается ясно и просто. Похоже, никто не считает, что тут больше оттенков серого и все более мрачное или более мутное, чем кажется на первый взгляд. Она осталась такой же, какой была, и заслуживает их сочувствия или сопереживания. Подозреваю, что никто из них не был ей настоящей подругой. Дружба, как и многое связанное с Эйлсой, оказалась химерой.

Дней через десять после того, как меня угощали джином с тоником, я шла по небольшому куску парка между вокзалом и шоссе. В тот день я обедала с Фредом Пулленом, университетским другом, и настроение у меня было отличное. Мы встречались в Côte в Ковент-Гардене, он угощал. За обедом выпили вина.

Передо мной по тропинке шел мальчик в школьной спортивной куртке и с рюкзаком за спиной. В левой руке он держал палку и бил ею по всему, что попадалось на пути: деревьям, мусорке, скамейке, фонарному столбу. Щелк, свист, треск. Рюкзак был застегнут только наполовину и после каждого второго или третьего широкого взмаха рукой из него

выпадала какая-то мелочь: карандаш, скомканный листочек бумаги, мандарин.

Я поднимала эти предметы, один за другим, затем ускорила шаг, чтобы догнать его.

– Привет! Рада встрече! – сказала я.

Макс отшатнулся от моей протянутой руки, и уронил палку. Он явно запаниковал, стал судорожно крутить головой в поисках спасения.

– Верити Бакстер из соседнего дома, – напомнила я.

Мне показалось, что вспомнил он меня без большого энтузиазма, не было никакого воодушевления, на которое я рассчитывала. Он взял у меня потерянные вещи, стянул рюкзак и засунул их внутрь. Я предложила на этот раз застегнуть молнию до конца, что он и сделал.

Мы пошли дальше. Я спросила, как он написал контрольную и много ли орфографических ошибок допустил. Он ответил, что написал правильно семь слов из десяти, а Беа десять из десяти, но у нее все всегда получается лучше, чем у него. Я спросила, где сейчас Беа, и он ответил, что в драмкружке, а он этот драмкружок ненавидит из-за учительницы.

– Она кажется такой милой, а потом внезапно начинает кричать на тебя без всякой причины.

Макс тяжело вздохнул. Сказал, что иногда ездит в школу на велосипеде, но проколол шину и потерял одну деталь насоса – переходник, который вставляют в колесо.

– Папа говорит, что я постоянно что-то теряю. Ему само-

му в детстве приходилось выполнять разные поручения, какую-то работу по дому перед тем, как что-то получить из вещей. Он считает, я бы ничего не терял, если бы понимал ценность.

Я внимательно слушала и узнала еще кое-какие подробности, а когда мы дошли до моего дома, велела ему подождать на дорожке. Макс явно нервничал, сказал, что лучше подождет на улице за калиткой. Я вернулась через минуту или две – просто повезло, что нашла все что нужно так быстро, – с переходником для насоса в руке. И судя по радостному выражению лица Макса, именно эта деталь была ему нужна.

Он несколько раз сказал «спасибо» и обещал вернуть переходник.

– А теперь мне нужно садиться за домашнее задание, – добавил он усталым голосом.

Оказалось, что нужно написать сочинение. Ему задали закончить рассказ о погоде, который он начал писать в классе. Многие одноклассники сдали свои работы еще на уроке, но он... Еще один тяжелый вздох, после которого Макс поднял голову и впервые встретился со мной взглядом.

– Что можно написать о погоде?

Не знаю, что на меня нашло. Честно. Возможно, все дело было в том, как топорщились волосы у него на затылке. Теперь я знаю, что это называется «двойная макушка» – два центра естественного роста волос вместо одного. Отчасти сыграло роль упоминание его отца. Я не специалист по

воспитанию детей, но мне кажется неправильным, если родитель обвиняет собственного ребенка в том, что он «все» делает неправильно. Но главным была надежда, написанная на лице у Макса, – словно после того, как я успешно решила проблему с насосом, я смогу решить еще и вторую, с сочинением. Я поддалась его очарованию и лести, или это было сочувствие, а, может, все дело было в бокале вина, выпитом за обедом. Я не успела оглянуться, как сама предложила помощь.

У Макса был ключ от дома, но он не смог открыть замок. В конце концов, дверь открыла девушка в школьной спортивной форме и пушистых домашних носках. Она ела тост. Я знала, что это Мелисса. Я уже видела ее, хотя она не видела меня. Ее длинные темные волосы были зачесаны назад, открывая прыщавый лоб, курносый нос казался слишком большим для ее лица. Брекеты тоже не украшали. Вообще ее лицо в спокойном состоянии всегда выглядело угрюмым, но улыбка невероятно его меняла.

Мелисса широко улыбнулась при виде меня, как положено вежливо приветствовала незнакомку на пороге. При виде этой улыбки мне пришла на ум молодая Бриджит Бардо и это объясняло мальчишек, рядом сидевших перед домом на прошлых выходных, когда ее родители отсутствовали.

Мелисса сообщила мне, что Эйлсы нет – по средам она закупает еду. Не уверена, почувствовала я облегчение или расстроилась.

Мы с Максом устроились за кухонным столом, и он достал из рюкзака мятую тетрадь. Он написал несколько предложений о летнем дне: «Солнце напоминало желтый мяч. Облака напоминали вату». Я исправила орфографические ошибки и предложила начать сначала, причем выбрать темой плохую погоду. Под моим руководством он написал целый абзац про бурю: струи дождя, которые кололи как иглы, стремительно несущиеся по небу облака, яростные раскаты грома, ветер, толкавший и пихавший, как хулиган, а затем о свежем запахе земли и травы. У Макса был целый список языковых приемов, которые требовалось включить в работу – сравнения, метафоры, олицетворение явлений природы и список «вау-слова», который вызвал у меня некоторую тревогу своей упрощенностью и странностью.

– Ну что, хотят вау-слова – значит, мы их вставим! – объявила я, серьезно подходя к делу.

Несколько дней после этого я ничего не слышала от обитателей соседнего дома. Я говорила себе, что всего лишь сделала одно из многочисленных добрых дел, которые оказываются просто выкинутыми в пропасть. Но в ту же пятницу Эйлса подсунула мне под дверь открытку и очень благодарила за починку велосипеда Макса и помощь с сочинением. «Его учительница сказала, что он блестяще выполнил задание!!!» Она написала на открытке свой мобильный телефон и спросила, не заинтересована ли я дальше обучать Макса на более

формальных условиях. Всего несколько недель до экзаменов в конце учебного года. Они могут предложить пятнадцать фунтов в час. Макс вообще так редко соглашается на чью-то помощь. Если у меня есть время и т. д. и т. п. «Я безнадежно нетерпелива» («безнадежно» подчеркнуто три раза).

За выходные я ничего не предприняла – открытка просто томилась в прихожей. Я видела объявления о поиске репетиторов на доске объявлений в большом супермаркете Sainsbury's в Бэлхеме, так что знала, что пятнадцать фунтов – это ниже рыночной цены. Кроме того, по моему опыту, любое регулярное обязательство может вызвать клаустрофобию. Как и случилось, когда я записалась на аквафитнес в досуговый центр. Но идея не давала мне покоя, я не могла избавиться от этой мысли! Было приятно наблюдать, как в тот вечер Макс постепенно стал относиться к письменному слову все с большим энтузиазмом. И мне было его жалко. Мне нравилась мысль, что я могу хоть немного вооружить его против других членов семьи. Когда мы были подростками, я любила помогать своей сестре Фейт с выполнением домашних заданий, я всегда считала это время особенным. Сама ее благодарность служила наградой. Да и работа над Большим Оксфордским словарем английского языка оставляла достаточно времени на другие занятия.

Я взяла открытку в руки и принялась ее изучать. Она была из той же серии, что и первая. Но на этот раз Эйлса выбрала обложку книги Иэна М. Л. Хантера «Память», на ней

был изображен палец, обвязанный куском нитки. Интересно, достала ли Эйlsa все оставшиеся открытки из коробки в поисках наиболее подходящей? В конце концов, ведь ее же беспокоила память Макса. Я решила, что она специально выбрала именно эту открытку. И это решило дело – то, что она приложила усилия и все хорошенько обдумала. Я позволила ей, чтобы принять предложение.

– Правда?! – воскликнула она. – Это прекрасная новость. Вы буквально спасли мне жизнь.

– Надеюсь, что не буквально.

– Ну да, не буквально, – засмеялась она, потом замолчала, подумала и добавила: – Нет, серьезно, все-таки буквально.

В следующую среду я появилась на пороге ее дома в четыре часа дня, оделась подобающе – то есть как я посчитала подобающим для такого дела. Моя офисная одежда оказалась не в лучшем состоянии; я не смогла выбрать ни юбку, ни блузку, которые подошли бы. Большую часть вторника я провела в благотворительных магазинах на Норткот-роуд и нашла там пару костюмов, которые оказались немного великоваты и не в лучшем состоянии, но вполне пригодными. Они мне еще послужат, и я буду их чередовать.

Я надеялась, что мы вначале немного поболтаем, но Эйlsa выглядела очень занятой, когда открыла дверь. Она была одета в спортивный костюм, и за то короткое время, что потребовалось, чтобы усадить нас за стол, ее телефон зазвонил несколько раз. В конце концов, она ответила, выйдя в сад:

улыбаясь в трубку, она ходила взад-вперед по террасе, время от времени наклоняясь, чтобы подобрать какой-нибудь опавший листик. Через некоторое время она села на ступеньку, обняв колени. Эйлса играла со своими волосами, но не держала их так, как обычно в присутствии Тома. Теперь она их взбивала, словно пыталась сделать пышную прическу. Мне стало интересно, с кем же она разговаривает – кто помог ей так расслабиться? Я почувствовала ревность, словно меня обделили вниманием. Что, конечно, было глупо.

Макс оказался сложным учеником, и через некоторое время я уже полностью погрузилась в работу. Фейт была просто лентяйкой. «О, ну сделай все, что нужно, Верити», – просила она, одним глазом поглядывая в телевизор, где показывали «Синего Питера»¹⁹. Мозг Макса явно работал по-другому. Он не мог сидеть спокойно, долгое сидение на месте требовало от него невероятных усилий. Ему нужно было ответить на вопросы по стихотворению «Маленький барабанщик», и я раскрасила текст разными маркерами – отметила аллитерации, метафоры и все такое. Он справлялся лучше, если между заданиями я отправляла его пробежаться до подвала и обратно. Я выяснила, что его интересует, – не регби, которым он занимался (отец хотел, чтобы он добился успеха в регби), а футбол (он был фанатом клуба «Челси»), собаки, а также игра World of Warcraft на приставке. Еще он интересовал-

¹⁹ «Синий Питер» – британская детская телевизионная программа, выходит с 1958 года и до наших дней.

ся магией, сериалами, которые можно посмотреть на Netflix, включая «Очень странные дела», о котором я читала в журнале Radio Times. Я неплохо разбираюсь в футболе – таблоиды помогают быть в курсе происходящего в премьер-лиге, а лучшие игроки часто появляются в Hello! – их фотографии даже на разворотах печатают. Один из вопросов, на которые требовалось ответить, звучал так: «Как, по твоему мнению, чувствует себя маленький барабанщик?» Я предложила Максу представить, что футболисты считают мальчика приносящим удачу, если он выступает перед важной игрой, таким талисманом команды. И Макс практически сразу же подобрал нужные слова и выражения: «Победно улыбается, когда взрослые мужчины кивают ему», и все в таком роде. Час пролетел очень быстро – по крайней мере, для меня, а когда Макс встал из-за стола, я видела его облегчение оттого, что удалось так быстро справиться с заданием, которое обычно, как я понимаю, тяжелым грузом висело у него на плечах целую неделю.

– Вы – звезда, – заявила мне Эйлса, возвращаясь из сада.

Про деньги она не упомянула. Может, это было пробное занятие. Неважно. Мне не стыдно признаться, что я уходила от них почти вприпрыжку.

* * *

В следующие две среды дверь открывала Мелисса, зва-

ла Макса, который осторожно заваривал чай. У них не было чайника, и они использовали специальный узкий кран, из которого шел кипяток – довольно опасно. Я выяснила, что у Беа занятия в театральном кружке, и ее привезут к концу нашего урока. В первый раз с женщиной, Тришей, которая привезла Беа, возникла неловкая ситуация. Я оставила Макса за кухонным столом, чтобы открыть дверь, но Триша стала громко звать его, чтобы он тоже подошел, и потом устроила ему допрос, действительно ли он меня знает. По-видимому, удовлетворенная, она извинилась за возникшие у нее сомнения. Она заправила светлые волосы за уши наманикюренными ногтями. Закрыв дверь, я услышала, как она говорит по телефону – очевидно с Эйлсой, – объясняя, что «почувствовала беспокойство», ей «требовалось проверить, все ли в порядке», и действительно ли «ей» – то есть мне – «дозволено находиться в доме».

Если не считать этих мелких неприятностей, это был плодотворный период. Я искала советы в интернете, читала об обучении кинестетиков²⁰ и различных способах тренировки памяти. Меня интересовали статьи про дислексиков и сайты школ. Я попросила Макса рассказать про World of Warcraft, про «землю под названием Азерот, населенную могучими героями», потом научила его нескольким карточным фокусам, которые помнила из собственного детства. Мы обсуди-

²⁰ *Кинестетик* – человек, воспринимающий реальность через ощущения, предпочитающий осязание слуху или зрению.

ли плей-офф Лиги чемпионов, и я нашла футбольный мяч, который мы пинали друг другу, пока проверяли орфографию. На третьей неделе занятий я попросила у Эйлсы разрешение привести с собой Моды. Если Макс писал целое предложение на тему «Почему World of Warcraft – это бесконечные приключения» – он гладил собаку один раз, если предложение было без единой ошибки – он мог погладить ее дважды, а после того, как написал целый абзац с требуемым количеством наречий или предлогов, они играли в мяч. Подобная необычная система поощрения и сенсорная обратная связь, как при дрессировке собак, казалось, помогали ему сосредоточиться.

Я старалась особо не думать, в какой обстановке нахожусь, пока занималась с Максом. Мы сидели, опустив головы. В кухне всегда был идеальный порядок, все чисто вымыто, но немного прохладно. Один или два раза я подумывала, не затопить ли печку, но приглядевшись к ней поближе, поняла, что ей, похоже, еще ни разу не пользовались, а красивая корзинка с дровами и щепками для растопки стоит только для вида.

Все изменилось в день четвертого урока. Беа только что вернулась домой, и для меня это служило сигналом, что пора уходить. Я как раз собирала свои бумаги и ручки, когда зазвонил мой телефон. Звонила Эйлса. Связь то и дело пропадала, но я поняла, что она занималась не закупкой продуктов, а была где-то в городе. У нее было назначено собеседо-

вание для устройства на работу, и ее попросили задержаться. У Мелиссы была репетиция спектакля и вернуться он должна была к девяти вечера. Том же обещал быть к шести, самое позднее к семи. Не могу ли я побыть у них дома до его возвращения? Час максимум. Это меня не очень затруднит?

Восхитительно. Я – «настоящий ангел».

Закончив разговор, я обнаружила, что осталась на кухне одна. Из подвала доносились звуки стрельбы и крики, из гостиной – голоса и смех из телевизора. Я бросила взгляд на домашнее задание Макса и не смогла удержаться: добавила точку, исправила строчную букву на заглавную. Дело происходило в начале апреля, на улице все еще было светло, но кухня выходила на восток. Я сбросила обувь, пол из известняковых плит показался холодным. Выглянула в сад. Больше мне никто ничего не говорил про мои разросшиеся кусты, но со своей стороны соседи над ними поработали – вся зелень, до которой они смогли дотянуться, была подстрижена до верха новой решетки для вьющихся растений. Оливковое дерево в горшке светло-терракотового цвета стояло на террасе. Они посадили несколько новых кустов и оформили множество островков зелени по всему участку. Дальняя часть сада все еще освещалась низко стоявшим над горизонтом солнцем. Несмотря на нависающую стену моих деревьев, кто-то разбил клумбу рядом с батутом, используя железнодорожные шпалы. Это и будет ее лужайка с дикими цветами? Все еще пустая, клумба купалась в луче золотистого

вечернего света. Я видела, как там копошатся насекомые.

Я рискнула воспользоваться краном с кипятком, чтобы налить еще одну чашку чая. Сжимая ее в руках, скорее для моральной поддержки, а не из-за жажды, я огляделась вокруг. На разделочном столе рядом с плитой стоял небольшой контейнер с лазаньей, затянутый пищевой пленкой. Неделию назад там стоял пирог с курицей. А до этого микс из аккуратно нарезанных овощей, которые требовалось только быстро обжарить в масле. Это странно или нормально быть такой методичной и организованной, делать все упорядоченно? В библиотеке я работала с женщиной, страдавшей обсессивно-компульсивным расстройством личности. Она рассказывала мне, что, почистив зубы утром, она готовит зубную щетку к вечеру, хотя знает, что паста на ней к вечеру засохнет. Я спросила, считает и она, что забудет почистить зубы, если не приготовит щетку? Она ответила, что дело не в этом, а в страхе и желании держать все под контролем.

Холодильник оказался полупустым: молоко, апельсиновый сок, бутылка вина, пачка масла. Никакого мятного соуса или чатни²¹ с истекшим сроком годности, никаких старых заплесневевших кусков сыра в пленке. Конечно, не мне судить о подобных вещах, но порядок в одном из верхних шкафчиков показался мне неестественным – пачки с чаем выставлены по высоте. В других шкафчиках все было точно так же: идеальные ряды упаковок с крупами и банок с ва-

²¹ Чатни – индийская кисло-сладкая фруктово-овощная приправа к мясу.

реньем. Тарелки стояли ровными стопками. Даже ящик для столовых приборов был в идеальном порядке. Никаких резинок, тубиков с клеем, спутанного портновского сантиметра или палочек для суши – в общем, ничего из того, что можно найти в большинстве ящиков на кухне. Я в свой давно не заглядывала. И подействовало увиденное на меня не лучшим образом – я смутилась и расстроилась. Я вспомнила фильм «В постели с врагом» с Джулией Робертс. Она понимает, что домой приходил ее бывший муж, потому что все банки повернуты этикетками в одну сторону. Хотя необязательно такой порядок указывает на психопата в доме.

Неделей раньше я спустилась за Максом в подвал. Я знала, что там висит огромный экран и стоит большой угловой диван светло-серого цвета, обтянутый льняной тканью. Огромную гостиную разделили на две зоны. Ту часть, окна которой смотрели на оживленную улицу и где сейчас перед телевизором устроилась Беа, тоже оформили в минималистском стиле: белые ставни, голубой диван, обтянутый бархатом, несколько ковриков из овечьей шерсти и люстра с лебедиными перьями, свисающая с потолка. К задней части, второй зоне гостиной, вели несколько ступенек. Там стояло черное пианино Yamaha и ничего больше. Никаких картин. Стены украшены только в туалете на первом этаже, и исключительно предметами из прошлого Тома: групповые фотографии школьной команды по регби, однокурсники из Кембриджского университета, вставленная в рамку карикатура

из журнала New Yorker – две кошки перед входом в мышиную нору и подпись: «Если бы мы были юристами, это было бы оплачиваемое время».

Второй этаж был неисследованной территорией. Даже строители меня туда не пустили. Хотела было написать, что не собиралась шпионить и совать нос не в свое дело, но почему бы не сказать правду? Как раз собиралась.

На лестничной площадке было две двери: первая вела в спальню, в том же месте в моем доме находилась спальня Фейт, но эта была квадратной и оформлена в нейтральных тонах, рядом с ней небольшая ванная комната – в зеленых и белых. В фарфоровой мыльнице лежал кусок мыла, которым еще ни разу не пользовались, и мыло, и мыльница имели форму ракушки. Я поднялась еще выше и поняла, что здесь сделали перепланировку. Площадка стала меньше и только две двери вместо наших трех. Первая дверь вела в комнату, похожую на мою спальню, но здесь это был кабинет с письменным столом, компьютером, полками с папками и аккуратными стопками бумаги. Вторая дверь была закрыта. Перед тем, как толкнуть ее, я на мгновение заколебалась.

Комната оказалась очень красивой – такой же формы и размера, как спальня моей матери, с тремя большими подъемными окнами, двойное остекление было незаметно, но я про него знала от строителей. Дверь в ванную комнату. Вдоль одной из стен встроенные шкафы, а справа кровать из светлого дуба под старину, но современный вариант – со

столбиками, но без балдахина. На деревянной подставке из того же светлого дуба стояло большое зеркало. И две прикроватные тумбочки. Больше ничего. Пустая корзина для мусора. Никакой косметики, никаких грязных носков. Никаких стопок книг, угрожающих вот-вот обвалиться, журналов, шкатулок с вываливающимися из них драгоценностями или стаканов, вода в которых частично, а то и полностью, испарилась, оставив следы на стекле.

Я подошла к кровати и осторожно выдвинула ящик ближайшей тумбочки. В нем лежали наушники Sony, планшет и четыре паспорта. Большое отделение под ящиком оказалось абсолютно пустым.

Я обошла кровать и шагнула к тумбочке, расположенной ближе к окну. На этот раз мне пришлось приложить усилия, чтобы выдвинуть ящик. В нем оказались беруши, маска для сна, зарядное устройство в шелковом мешочке и бутылочка с маслом черного лука, несколько упаковок рецептурных таблеток, банки с витаминами – с примулой вечерней и черным орехом. В отделении под ящиком лежали книги, все из серии «Помоги себе сам»: «Ешь, пей, бегай: как я набрала форму, не особо напрягаясь», «Прекрати сомневаться и жить ужасной жизнью: ты – великолепна». Под ними лежала тоненькая книжечка под названием «Сегодня немного грустно», похоже, это был сборник эссе.

Внизу скрипнула открывшаяся дверь. Я услышала, как Беа кричит Максу, чтобы он проверил вай-фай. Я стояла,

согнувшись над тумбочкой, но тут распрямилась, закрыла нижнее отделение, задвинула верхний ящик и собралась выйти из спальни. Я внезапно пришла в чувство и мысленно спросила себя: «Что же я делаю?». И могла предложить только один ответ: я пыталась найти хоть какое-то указание на вкус Тилсонов, отпечаток их индивидуальности. Возможно, этот дом так долго стоял пустым, что я считала, что имею право знать, как в нем все изменилось. Это, конечно, было совершенно неуместно.

Беа продолжала говорить, но совсем другим голосом, с длинными паузами и внезапными смешками – разговаривает по телефону. «Да, я знаю. Это была жесть». Я прошла на цыпочках к двери и уже собралась уходить, когда мой взгляд снова упал на мусорную корзину – в дырочке между прутьями застряло что-то зеленое. Значит, она все-таки не совсем пустая. Я опустила руку в корзину и извлекла скомканные бумажные салфетки с засохшими пятнами. Похоже на кровь. И еще скомканный тонкий кусок светло-серой ткани. Я расправила его, это оказался шелковый шарфик – длинный, тонкий и сильно порванный: несколько неровных разрывов или даже разрезов по краю и темно-красное пятно в одном углу. Я сказала себе, что его можно выстирать, потерла шелк между пальцами, проверяя, удастся ли мне его зашить, когда выдастся свободная минутка. Я сунула ткань в карман. Да, оглядываясь назад, я понимаю, что уже тогда мне хотелось иметь кусочек ее. Но как я уже говорила, когда я

росла, мы жили по принципу «в хозяйстве пригодится и веревочка». Признаюсь честно: от этой привычки очень трудно избавиться.

– О боже! – воскликнула Эйлса, увидев меня за кухонным столом. – Вы все еще здесь! Бедняжка. – Она сняла сапоги на танкетке. – Тома нет? – Она нахмурилась. – Он сказал мне, что будет дома. – Ее выражение лица изменилось: она стала задумчивой. – Хорошо, значит, он даже не узнает, что я уезжала. Хорошо. Отлично. – После этого она улыбнулась и переключилась на меня. – Мне очень жаль. Что вы могли о нас подумать?..

– Ничего страшного, – ответила я. – В жизни бывают разные ситуации.

На ней были плотные черные колготки и свободное темно-серое шелковое платье, поверх него – кардиган с поясом на талии, пояс все время соскальзывал, она подхватила его и подтянула.

– Дети, вероятно, умирают с голода. И вы тоже.

– Я приготовила еду, – сообщила я. – Беа и Макс просили есть, так что я разогрела лазанью. Это же не проблема?

– Они ее съели?

– Да.

– Всю? Они такие привередливые в еде. А Беа к тому же пытается стать вегетарианкой. – Эйлса оглядела кухню, затем открыла холодильник, посудомойку, заглянула в ракови-

ну, словно не поверила. На самом деле близнецы воротили носы. Я выбросила почти всю их порцию, и сама съела большую часть.

– Простите, – сказала я. – Мы вам ничего не оставили.

– Я в любом случае не собиралась ее есть, – Эйlsa хлопала себя по животу. – Я на диете. Спасибо, что помыли посуду. Мне просто стыдно. Вам не следовало этого делать. Пойду проверю, как они там.

После этого она вышла из кухни. Я слышала ее голос, то ближе к подвалу, то к гостиной. Она сказала обоим детям подниматься наверх.

– Что о вас подумает Верити? Сколько можно сидеть перед экранами?

Надев куртку, я пыталась понять, почему их с Томом так волнует, что я думаю об их детях. А если их также волнует, почему дети так много времени проводят перед монитором компьютера и экраном телевизора, то, может, стоит купить несколько настоящих игр. Тут вернулась Эйlsa и остановилась в дверях.

– Сейчас только восемь вечера. Совсем не поздно. – Внезапно она показалась мне какой-то разочарованной и даже опустошенной. Выглядела отлично, но что-то ее явно расстроило. Она вернулась домой, где нет еды, и ей еще нужно пережить вечер, который обещает растянуться надолго. – Так, что тут есть? – Эйlsa открыла холодильник, достала бутылку белого вина, затем потянулась за двумя бокалами. –

Давайте по бокальчику перед вашим уходом?

Я колебалась. Мне нужно было возвращаться к Моды, но меня тоже ждал долгий вечер, который требовалось чем-то занять. Я улыбнулась, надеясь, что вышло беспечно и беззаботно, и снова села к столу.

– Давайте. Почему бы и нет?

Она поставила бутылку и бокалы и устроилась рядом со мной.

– Я очень рада, – сказала Эйлса, разливая вино. – Вы всегда так спешите уйти [неправда], поэтому я рада, что у нас сейчас есть возможность поболтать.

На мгновение мне показалось, что она заговорит о деревьях, но ее мысли определенно витали где-то в другом месте. Несколько минут она болтала без перерыва – о каком-то мужчине, с которым недавно встречалась, но это было не совсем интервью перед приемом на работу, а скорее неофициальная беседа. Он такой классный и ведет себя так непредсказуемо. Он сам всего добился, ну, не один, еще его жена, – они создали свою компанию. Эйлса говорила о том, как быстро расширяется их компания, а тот мужчина сказал ей, что им постоянно требуются люди. Но она не уверена, что произвела на него нужное впечатление, ведь она так давно не работала – дети, проблемы со здоровьем и еще были пожилые родители. К сожалению, оба уже умерли. С ними было трудно, и вообще у нее была трудная жизнь, и трудно быть единственным ребенком. Хотя она приложила макси-

мум усилий, чтобы произвести впечатление.

– Да, я такая. Если за что-то берусь, то бросаюсь как в омут с головой.

Я слушала, периодически издавая какие-то звуки. Меня заинтересовала ее манера говорить. Похоже, она совершенно не обращала внимания на собеседника, хотя время от времени встречалась со мной глазами, но теперь я думаю, что она меня тогда не видела. Теперь я знаю ее лучше. Думаю, эта привычка появилась у нее с детства: способ нарушить молчание между враждующими родителями. Я подозреваю, что все идет из ее детства. Она привыкла к тому, что люди ее игнорируют, не собеседники, а только эхо ее собственного голоса. Когда ее слушаешь, в половине случаев создается впечатление, что она в чем-то пытается себя убедить.

– Все равно было хорошо выбраться из дома. Сесть на метро, доехать до центра, зайти в бар, оказаться в окружении людей, музыки. Со временем забываешь, что это такое. Я думала, что когда мы вернемся в Лондон, то я буду гораздо больше занята, чем теперь. Я пыталась записаться на одни занятия, на другие. Тома вечно нет дома, мне приходится столько времени проводить в одиночестве, а у меня это не очень хорошо получается.

– Я всегда считала важным наслаждаться собственным обществом. Вам нужно просто потренироваться. Оно того стоит.

Она внимательно посмотрела на меня.

– Да, наверное.

– В любом случае надо надеяться, что вы получите эту работу.

– Вы так думаете? У меня все же есть необходимые навыки. Я воспитала троих детей и веду хозяйство.

– Мудрость и жизненный опыт, – кивнула я. – Это должно больше цениться на рынке, чем молодость. Если тот мужчина на самом деле хороший руководитель, то он это поймет.

– Надеюсь. Спасибо вам. – Эйлса сделала маленький глоток вина из бокала, а потом провела большим пальцем по ободку, которого только что касалась губами. – Вы говорили, что живете одна, да? А как давно умерла ваша мама?

– Пять лет назад.

– У вас есть еще родственники?

– Только сестра. Фейт.

– Она живет где-то рядом? Вы часто с ней видитесь?

– В Брайтоне. Видимся не так часто, как мне хотелось бы.

Эйлса с минуту внимательно рассматривала меня, потом протянула руку к лацкану моего пиджака и что-то быстро с него смахнула.

– Шерсть, – сказала она, убирая руку. – Вероятно, собачья.

– О боже! А я так старалась хорошо выглядеть.

Она внезапно улыбнулась.

– Ради нас? Макса? О Верити, пожалуйста, пусть вас не беспокоят такие вещи. Я хочу, чтобы вы у нас чувствовали

себя расслабленно. Надеюсь, что теперь, когда все немного успокоилось и мы тут уже обустроились, мы с вами будем друзьями. Будем ходить друг к другу в гости.

Внезапно я почувствовала робость.

– Да, мне бы этого тоже хотелось.

Мы еще немного поговорили ни о чем. Я рассказала ей про свой артрит, и она предложила несколько средств: грелку, мазь с арникой. Когда я стояла у двери, она взяла обе мои руки в свои.

– Так было приятно поболтать с вами, – сказала она. Я почувствовала, какие грубые у нее ладони. – Макс говорил, что вы классная. И он прав.

Я была обезоружена. Я – консервативный человек и не привыкла проявлять чувства. И к комплиментам я не привыкла. Людям нужно быть осторожными и не говорить приятные вещи всем и каждому. Я вспомнила эксперимент Конарада Лоренца с гусятами – вылупившись из яйца, они идут за первым существом, которое видят. В случае гусят это был он. И ничто не смогло разорвать эту связь до самой смерти.

Думаю, в моем случае роль сыграли разговоры о маме. Неожиданно в уголке моего глаза появилась слезинка. Я смахнула ее.

– Мне тоже было приятно.

Глава 6

Заколка из черепашиьего панциря.

*Burgeoning, герундий и прич. наст. вр. –
распускающийся: дающий почки или побеги;
начинающий расти.*

Сегодня утром, выйдя из дома, я сразу же увидела Далилу, которая стояла на тротуаре, на противоположной стороне улицы, и смотрела на их дом. Сцена убийства всегда привлекает и манит. Когда Эйлсу только арестовали, люди регулярно собирались перед их домом или медленно проезжали мимо. Я думала, что привыкну к этому, но когда увидела Далилу, то поняла, как это меня достало. Я решила, что с меня хватит.

– Уходите, – крикнула я ей, застегивая молнию на куртке.

Она подождала, пока можно будет перебежать через дорогу между машинами.

– Она все еще у вас?

– Это одно из условий ее освобождения под залог.

– Знаете, она должна мне кучу денег. Я же покупала для нее все эти растения, расплачивалась за них со своего счета. А она мне так и не вернула деньги.

– Ну, сейчас она не в том положении, чтобы с вами рас-

считаться.

– Я хочу ее увидеть, посмотреть ей в глаза, понять, можно ли по ее лицу сказать, что она это сделала.

– Вы же не знаете, виновна ли она.

– Он не был идеальным. Никто из нас не идеален. Он допустил несколько ошибок. Но в тот вечер, когда он умер, он сказал мне... Ох, это не имеет значения.

Она расплакалась.

– Вы разговаривали с ним в тот вечер, когда он умер?

– Я подвозила Макса. – Далила нетерпеливо вытерла глаза. – Полиция уже знает. Не нужно на меня смотреть с таким удивлением.

Возможно, говоря все это, она вспоминала историю своих взаимоотношений с Эйлсой и пыталась найти в них оправдание. Она использовала случившуюся трагедию как возможность выплеснуть все обиды, затаенные на подругу.

– Проблема Эйлсы в том, что она никогда не могла признать, что дела складываются плохо, что что-то идет не так. Все должно было быть хорошо и прекрасно – молочный коктейль и сахарная вата.

– Ко мне она всегда относилась хорошо, – заметила я.

Далила уже ступила на проезжую часть, чтобы вернуться на другую сторону, но прошипела через плечо:

– Вы ее не знаете.

Я не ожидала увидеть Эйлсу так скоро после того вече-

ра, когда мне пришлось сидеть с детьми. Я понимала, что ее заверения в дружбе сильно на меня повлияли, но не ожидала, что она действительно придаст им значение. Но уже на следующее утро она прошла по дорожке, ведущей к моему крыльцу, и оказалась у входной двери с букетом тюльпанов в руке. Мне давно не дарили цветов – даже когда наши отношения с Адрианом Кертисом были в самом разгаре, букетов он не приносил. Я была так тронута, что с трудом сдерживала эмоции.

Мимо с лязгом и грохотом проехал грузовик, за ним – автобус.

– Я чувствую себя виноватой, – сказала Эйлса, протягивая мне цветы. – Проторчали вчера у нас весь вечер, и Макс вы так помогаете. – Она подошла на шаг поближе. – Я знаю, что вы не возьмете деньги, но я хочу что-то сделать. Вы здесь одна. Но вот я. Я с радостью помогу вам разобраться со всем этим. – Она неопределенно махнула на вещи, лежавшие у меня на крыльце. – А пока могу ли я уговорить вас покинуть берлогу и съездить перекусить?

– Что, прямо сейчас?

– Не будем терять времени.

Это была жалость? Если так, то Эйлса ее умело скрывала. Взволнованная, с глупой улыбкой и румянцем на щеках, я согласилась. Оставила ее на пороге, а сама быстро собралась: освободила место в мойке и наполнила ее водой, чтобы пристроить туда цветы, потом разгребла завал с вещами и нашла

сумочку, сняла серебристо-серый свитер с круглым вырезом из Uniqlo, который нашла в пакете с вещами Эйлсы, и переоделась в нарядную розовую блузку.

Она предложила кафе в Бэлхеме, и мы отправились туда на ее «фиате». Она припарковалась позади супермаркета Sainsbury's, заперла машину, нажав на ключ-брелок, – и та удовлетворенно пискнула. Пока мы шли по парковке, я почувствовала прилив любопытства и возбуждения, трепет от мысли о новых возможностях. Вроде только что я была лексикографом, сидящим за письменным столом и объясняющим значения слова *angry* (гневный, сердитый). А в следующую минуту я оказалась «дамой, которая завтракает в кафе». Худая блондинка, засовывшая пакеты с покупками в багажник небольшого автомобильчика, поздоровалась с Эйлсой, а отъезжая, нажала на клаксон и помахала рукой из окна. Я сказала Эйлсе, что ощущаю себя так, «будто отправилась на прогулку с Меган Маркл». Эйлса рассмеялась.

– Это все просто знакомые, не друзья. В любом случае мы можем столкнуться и с кем-то из ваших приятелей.

Уверена, она уже должна была понять, что у меня плохо с «приятелями». Она просто вела себя мило и вежливо. Но это не имело значения. «Она одна из тех женщин, на которых обращают внимание», – сказала я себе, купаясь в исходившем от Эйлсы тепле и радуясь, что она приняла меня в свою компанию.

Кафе, куда мы приехали, открылось недавно, стены – из

голых кирпичей, освещение – промышленные лампы. Искусственные цветы свисали из корзин на потолке. Посетителей оказалось много, включая детей, которые в это время явно должны быть в школе. Когда мы только вошли, возникла небольшая заминка – потребовалось найти место для моей сумки-тележки. Не знаю, зачем я ее взяла с собой, это было глупо. Наконец мы усадились за столик у окна в дальнем конце зала. Эйлса заказала *huevos rancheros*²², а я, в некотором смятении, решила взять то же самое. Когда заказ принесли, это оказалась смесь из яиц, фасоли и колбасы чоризо. Эйлса с жадностью набросилась на еду. (Вскоре мне предстояло узнать, что она или ест очень много, или вообще не ест. Средних вариантов для нее не существовало.)

Вначале мы говорили про Макса. Эйлса сказала, что Тома очень интересуется, как у него идут дела и наблюдается ли прогресс. (Неужели он велел ей пригласить меня в кафе именно для этого? Надеюсь, что нет.) Я в подробностях описала ей свои наблюдения: Макс был очень умен, изобретателен и проницателен, но его прогресс замедлялся буквальным подходом к языку. Когда учительница недавно велела классу «отправиться на пляж» – мысленно, конечно, – он был парализован от замешательства. Эйлса кивнула, не сводя с меня глаз, взгляд оставался спокойным.

– А всего-то надо было пояснить ему, что речь идет о воображаемом пляже, – продолжала говорить я. – Он гораз-

²² *Яйца в ранчо стиле* – традиционный мексиканский завтрак.

до лучше сосредотачивается, когда понимает, что именно от него хотят. Если не понимает, то приходит в отчаяние и отвлекается. Я собираюсь снова и снова повторять вопросы, которые ему будут задавать, и обучать его техникам их сокращения для лучшего понимания.

– Он говорит, что вы обсуждаете с ним футбол и World of Warcraft, – сообщила Эйлса. – Это так мило с вашей стороны. Вы тратите столько сил.

– Я рада помочь, – ответила я.

– Тому невыносимо видеть, что у Макса не идут дела в школе. Его на самом деле воспитывали в строгости и с сильным упором на учебу. Отец работал судьей, и на сына возлагал большие надежды. Том учился в частных школах-интернатах, потом в Кембридже. И обязательно требовалось изучать право. Успех – так Том привлекал внимание отца. На самом деле у него дерьмовые родители. Знаете, они даже не приходили на матчи, пока он не стал играть в первом составе. А для него это было очень важно. Они пришли на его игру, когда он, наконец, попал в основной состав, но его заменили, и они сразу ушли. Можете представить? Так что Том связывает успех с любовью. Ему кажется, что Макс даже не прилагает усилий, и для Тома это личное оскорбление. Он кричит на него, Макс спорит, в общем, все ужасно. И неправильно.

Я поморщилась.

– Давайте надеяться, что нам удастся изменить положение

вещей.

Она отодвинула от себя тарелку.

– Том говорит о том, чтобы отправить его в школу.

Я была сбита с толку – Макс же уже ходит в школу. Если бы я сразу поняла, что она имела в виду интернат, то ответила бы с большим негодованием.

– Он замечательный мальчик, милый и обаятельный, и очень хорошо соображает. Вам не нужно беспокоиться. С ним все будет в порядке.

Эйлса казалась совсем беззащитной: веки задрожали, глаза будто подернуло пеленой. Я прикрыла рот рукой. А что мне делать, если она расплачется? Но она сдержалась.

– О, вы такая добрая! – воскликнула она. – Говорите такие правильные вещи!

– Я говорю, как есть. Если бы дела обстояли по-другому, я бы так не сказала. Я не из тех, кто хвалит других ни за что.

Я заметила, что маленькая девочка лет восьми рассматривает меня из другой части зала. Я подняла руку и поправила волосы и заколку из черепашьего панциря, купленную за несколько пенсов на распродаже в местной церкви.

– Это я поняла, – улыбнулась Эйлса.

Когда тарелки унесли и мы пили кофе из маленьких серых чашечек (я всегда хотела попробовать флэт уайт²³), Эйлса рассказала мне о своем детстве в деревне неподалеку от

²³ *Флэт уайт* – кофе с молоком, способ приготовления которого изобретен в Новой Зеландии и близок к приготовлению латте и капучино.

Гилфорда. Ее мать работала риелтором, а отец бухгалтером. В материальном плане все было в порядке, но родители постоянно ругались и, в конце концов, развелись, когда Эйлсе исполнилось двадцать лет. Они бы разошлись и раньше, но в двенадцать у Эйлсы диагностировали редкое генетическое заболевание – болезнь Вильсона, нарушение метаболизма меди, и это объединило семью.

– Я была все время уставшей и нервной, но мне повезло, что болезнь диагностировали на ранней стадии. До конца жизни буду принимать лекарства, это неприятно, но... – Она пожала плечами.

В ответ на мое сочувствие на ее лице появилось слегка жалостливое выражение. Она постоянно говорит о том, как ей повезло, но я знаю, что в глубине души она считает себя несчастной и думает, что ей как раз не повезло: у нее оказалась эта редкая болезнь, и хотя она удержала ее родителей вместе, пока Эйлса была подростком, так не могло длиться вечно. И вообще, болезнь оказалась недостаточно серьезной. Тогда в кафе я просто восхищалась ею. Но потом было немало случаев, когда я задумывалась, может, Эйлса подсознательно преувеличивает свои трудности. Может, это ее способ привлечь к себе внимание.

– Все это было довольно мрачно, – рассказывала Эйлса. – Ссоры, скандалы, хлопанье дверьми, мать начала пить, а через два года после того, как родители окончательно расстались, у нее диагностировали рак груди. Я уверена, что при-

чина – стресс, в котором она жила столько лет. Сделать ничего было нельзя. Меня это выбило из колеи. Я была совсем молодой, да еще и единственным ребенком. Я это очень тяжело переживала.

– А ваш отец?

– Отец переехал в Азию. Он тоже умер... м-м-м... теперь уже восемь лет назад. Так что я сирота.

Она вздохнула – достаточно громко, чтобы получилось с сожалением и самоиронией. Я тоже вздохнула, и Эйlsa внимательно посмотрела на меня через стол.

– Вы тоже сирота?

Я почувствовала себя некомфортно.

– О, я? Не уверена. Думаю, да. Полагаю, что да.

– Вы не до конца уверены?

Я не ожидала такого поворота разговора. Мне казалось, что он идет строго в одном направлении, и это меня полностью устраивало. Так что я использовала один из приемов дистанцирования и рассказала анекдот о том, как мой отец сел в автобус № 219. Я думала, что Эйlsa начнет смеяться, и мы закроем эту тему, но она осталась серьезной.

– Вы считаете, все так и было на самом деле? – спросила она.

– Я не знаю, – рассмеялась я. – Наверное, он взял чемодан и забрал свои вещи, потому что его половина шкафа опустела.

– Какой ужас, – сказала она, не меняя выражения лица.

Я опустила глаза в пол. Вдруг вспомнила, как мать стояла в гардеробной и безудержно плакала и причитала, как гремели пустые вешалки, когда она встряхивает их, и шок от того, что эта женщина, обычно такая сдержанная, не в силах успокоиться.

Я заговорила:

– В ту субботу мы с сестрой отправились на благотворительную ярмарку. Может, это было уже на следующий день после маминого срыва. Мы потратили все деньги, которые скопили, на мужскую одежду – вероятно, родственники продавали вещи умершего, – и заполнили шкаф, а потом показали маме. Она смеялась, целовала нас, потом мы пили чай с тортом, и все было забыто.

– Это очень мило и очень грустно. А что она сделала с вещами, которые вы принесли? Продала их на следующей распродаже?

Я всплеснула руками.

– Мы оставили их у себя, они так и висят.

– Верити, вы все эти годы храните вещи незнакомого умершего мужчины?

– Боюсь, что да.

– Верити!

– Эти вещи радовали маму, поднимали ей настроение. Грусть ушла.

– Вам следует избавиться от ненужных вещей в доме.

– Да. Да. – Я почувствовала волнение. – Я знаю.

Официантка принесла счет, а потом ушла за терминалом для оплаты картой. Пока ее не было, я хотела сменить тему, но Эйлса продолжала – она предположила, что мать никогда больше замуж не вышла. Я подтвердила, что так и было.

– А ваша сестра?

– Фейт? Встречалась с женатыми мужчинами, но своего не нашла.

– А вы?

– Нет. Даже не думала.

– Может, вы просто не встретили того самого...

Солнце переместилось, и теперь я оказалась в треугольнике света. Я сидела лицом к залу, у меня покраснели щеки, и я обмахивалась салфеткой. Попыталась рассмеяться, но что сказать, не знала. Должно быть, Эйлса поняла, что мне некомфортно, потому что нарушила тишину.

– Я сама все время выбирала не тех, – сказала она, наклонившись вперед, словно сообщала мне это по секрету. – Вероятно, к Тому это тоже относится.

Вернулась официантка, Эйлса вставила карту и ввела ПИН-код.

– Мне было тяжело в тот момент, когда мы с ним познакомились, – продолжала она, когда оплата была проведена. – Это был тяжелый период в моей жизни, одно навалилось, другое.

Она откинулась на спинку стула и рассказала, что их познакомила Далила, когда они с коллегами отправились про-

пустить по стаканчику после работы. Эйлса с Далилой работали в рекламной компании, Том занимался корпоративным правом. Они не сразу понравились друг другу. Он был и остается интеллектуальным снобом, и Эйлса, которая не училась в университете – «о чем он мне постоянно напоминает», – посчитала его ужасным. Но они пили сперва коктейли, потом шоты – и в результате провели ночь вместе. Обычно она так не поступала – «в смысле не ложилась в постель на первой встрече».

Как я уже говорила, у меня есть опыт общения с мужчинами, но, вероятно, в данном контексте его было недостаточно.

– Когда ты знаешь, ты просто знаешь, – многозначительно произнесла я, словно могла сказать такое про себя (а я не могла).

Эйлса вопросительно приподняла брови.

– Ну, если сперва у меня были какие-то сомнения, то после их уже не было, – заявила она.

Я рассмеялась.

– Ведь так? – спросила она, глядя прямо на меня и тоже смеясь.

– Но у вас же все удачно сложилось?

Вопрос был слишком личным – ведь она рассказала мне все эти интимные подробности только потому, что боялась обидеть меня. Но поздно: слова уже вылетели у меня изо рта.

– У нас бывают взлеты и падения. Он перегружен. Тяжело вести свой бизнес – это же постоянное давление. Он вложил

в него большую часть своих денег. И хотя со стороны это кажется гламурным – выпивать со знаменитостями, но в реальности он постоянно бегают за клиентами, уговаривает их, обхаживает, развлекает. Он только что потерял крупного клиента [она назвала компанию, кажется, сотового оператора или продавца мобильных телефонов], и это его задело. Понимаете, это личное. – Она отодвинула чашку с блюдцем. – Дом обошелся нам дороже, чем мы ожидали, пришлось взять кратковременную ссуду. Все это очень напряженно.

– Я понимаю, новая работа может помочь.

Возможно, это прозвучало двусмысленно, и Эйлса нахмурилась.

– Что вы имеете в виду?

– Вчера вы говорили про собеседование. Как вы думаете, когда вам дадут ответ?

Она все еще выглядела смущенной.

– Вчера?

– Собеседование на работу. Вас еще попросили задержаться.

Мгновение она смотрела на меня в непонимании. Щеки покраснелись. Она запустила пальцы в волосы и помассировала голову.

– Ах да. – Эйлса сделала глубокий вдох и опустила руку, похлопала себя по животу, словно сдерживая икоту, и покачала головой. – Понятия не имею. В смысле, это было просто знакомство, которое, может, ни к чему и не приведет. А ес-

ли что-то получится, мне еще придется поговорить с Томом. Нам нужны деньги, но он довольно старомоден, и ему нравится, что я сижу дома. Может, вообще не буду рассказывать ему про поиски работы.

Тревожный звоночек – вероятно, я уже тогда почувствовала, что что-то не так, но не стала ничего комментировать. Мы обе принялись собирать вещи и поднялись со своих мест.

По пути к машине мы молчали. Думаю, нас обеих удивило, как много мы друг другу рассказали, как банальный поход в кафе привел к таким неожиданным откровениям. А вернувшись в реальность, мы вдруг почувствовали себя неловко. Я уже начала беспокоиться о работе – я должна сдавать по тридцать – тридцать пять подстатей в неделю (отдельных значений конкретного слова), а я уже отстала от графика. Когда мы ехали назад, Эйлса упомянула о каких-то бумагах, на которых требовалась подпись свидетеля, так что мы пошли к ней – я поставила свою подпись и указала адрес. Думаю, это имеет какое-то отношение к ипотеке. Мне и в голову не пришло, что речь шла о страховании жизни, да и если бы я это знала, для меня не было никакой разницы. Я помню, что мы немного поговорили о деньгах. Эйлса призналась, что не может обходиться без списков всех дел. Для этого у нее был отдельный блокнот – она показала мне последнюю заполненную в нем страницу, и мы посмеялись над стоящими рядом пунктами «Забрать вещи из химчистки» и

«Составить завещание». Некоторое время мы еще обсуждали завещания и согласились, что и правда надо этим заняться. Так что да, думаю, именно тогда мысль о собственном завещании поселилась у меня в голове.

В статье, опубликованной в воскресном номере Observer, говорилось, что требуется восемьдесят часов общения для того, чтобы знакомство переросло в дружбу. В детали там не углублялись. Например, я не знаю, требуется ли беспрерывно говорить в течение часа или дружеское молчание тоже работает. А как насчет времени, проведенного в тюрьме? Когда люди вынужденно находятся в обществе друг друга долгое время. Это считается?

Трудно сказать, когда и каким именно образом началась наша дружба и сколько часов для этого потребовалось, но я уверена, что мы стали подругами.

Когда я вспоминаю тот период, то думаю о зелени, о том, как менялся вид из окна моей спальни, о том, как дома, стоявшие позади моего, все больше и больше скрывались из вида каждый день. Я думаю о белых цветах, о внезапно появившихся приятных запахах, о птицах, каждая из которых пела по-своему. Я не заметила, что зимой их не было, а теперь, когда они вернулись, слушала их каждый день. Я также думаю про ее сад. Вытянув шею, можно было разглядеть, что там происходило: росточки пробивались сквозь землю, цветы распускались на фоне голубого неба, красивое маленькое

деревце, которое она посадила не далеко от моего дома, – на нем начали раскрываться почки, и из зеленых оболочек появлялись бело-розовые цветы.

Бывали и неожиданно холодные дни. Если выглянуть в окно, то они казались такими же, как и теплые, – небо голубое, листва зеленая. И только выйдя из дома в футболке, обнаруживаешь, что день лишь притворялся хорошим, и неприятный ветер пробирается сквозь одежду. Агрессивная мимикрия встречается в природе повсюду. Пауки иногда выглядят как муравьи, которыми они питаются, бражники источают тот же запах, что и пчелы, чтобы незаметно проникать в ульи и красть мед, сорняки появляются рядом с похожими внешне садовыми растениями, душат их и вытягивают все полезное из почвы... Мир полон хищников и паразитов, которые умело используют свое сходство.

Каждую среду я занималась с Максом, но иногда приходилось встречаться дополнительно, если ему давали слишком сложное домашнее задание. После занятия мы с Эйлой обычно болтали за чашечкой кофе или ройбуша. Время от времени она стучалась в мою дверь. В первый раз она снова спросила про деревья позади моего дома: «Есть какие-то подвижки?» Но в следующий раз она пришла с шоколадным печеньем – напекла лишнего, да и Том не любит, когда в доме много сладостей. Иногда она приносила посылку с Amazon, которую ей оставил курьер. Ого, сколько мне всего привозят! Еще одна книга? Вау! Кстати, а с собакой я

уже гуляла? Она бы с удовольствием воспользовалась этим предложением для прогулки, и еще по пути можно выпить чашечку кофе. И я обычно вставала из-за компьютера, надевала на Моди поводок, и мы с удовольствием шли на улицу, независимо от того, выгуливала я уже собаку или нет.

Оглядываясь назад, я понимаю, что такая дружба кажется маловероятной. И теперь я задаюсь вопросом о ее мотивах. Определенно, чувство жалости – один из них. Я обманывала бы сама себя, если бы считала по-другому. Она меня жалела и думала, что взяла меня под свое крылышко. Но она привыкла находиться рядом с людьми необычными, неприспособленными, можно даже сказать – неудачниками – она провела много времени в больницах и, как я уже говорила, у ее матери были определенные трудности. Но я также искренне верю, что ей нравилось мое общество. Я умею слушать, и Эйлса меня интриговала: уже во время нашего первого завтрака в кафе разговор перешел на интересные темы. Также наше общение давало и экспоненциальный эффект: чем больше мы проводили времени вместе, тем более расслабленно она себя чувствовала, и тем больше ее тянуло ко мне. Это относится к дружбе в целом: мы все считаем знакомое безопасным.

А еще я думаю, что она была одинока.

Мне бы хотелось сказать, что мы гуляли с ней раз сто, но в реальности – пять или шесть. Просто мне казалось, что больше, новизна этих отношений была головокружительной. И

эти прогулки бывали такими насыщенными, ведь когда не смотришь человеку в глаза, легче открыться. Мы много говорили о Максе. Я подробно рассказывала ей о наших успехах, а она в свою очередь – о том, что говорили его учителя в школе (определенный прогресс). Она жаловалась на Мелиссу и ее перепады настроения, и на новое увлечения Беа косметикой и Инстаграмом. Эйlsa часто оказывалась в ловушке между Томом и детьми. Он бывал с ними слишком суровым, в особенности с Максом. «Это проецирование. Он видит в сыне себя, и воспринимает все его действия на свой счет». Эйlsa очень сожалела, что сама не особо напрягалась в школе. Ее родители давали ей все, что она хотела, и никогда на нее не давили. Родители Тома вели себя с ней высокомерно и даже пренебрежительно из-за отсутствия высшего образования, но на самом деле она и сама жалела, что не училась в университете. «На самом деле это несправедливо».

Общение не было односторонним. Она расспрашивала о годах моего студенчества, тех днях, когда мне почти удалось вырваться отсюда. Ее восхищало, что я больше пятидесяти лет прожила в одном доме, это поражало ее воображение. Она хотела знать, как изменился район и чем мы трое – мать, сестра и я – занимались весь день, фактически запертые в этом доме. Я рассказывала ей про долгие дни, которые мы проводили вместе с Фейт, пока еще были близки, как мы вместе смотрели фильмы или слушали пластинки на старом граммофоне. По большей части это были саундтреки к филь-

мам – «Оливер!» и «Звуки музыки», а еще у нас была пластинка с популярными песнями под названием Jumbo Hits. Мы наряжались в мамину одежду и танцевали. Как-то мы устроили небольшой лагерь у мамы под кроватью, который стал нашим убежищем. Я рассказала ей, что наша мать боялась внешнего мира, микробов, бактерий и незнакомых людей, и мы научились скрывать от нее все плохое. Я не стала подробно распространяться о решении Фейт уехать, но рассказала, как скучно было два долгих десятилетия, пока я в одиночку ухаживала за матерью. Я тогда думала о часах, днях и месяцах, которые ждут меня впереди, и мне было трудно представить, что они все окажутся одинаковыми, мне придется заниматься все тем же, и ничего интересного происходить не будет. А еще я вспоминала часы, дни и месяцы, которые уже ушли в прошлое, и думала то же самое: просто невозможно, что они уже в прошлом, а я все здесь, и ничего не изменилось.

Я рассказала, как мать начала сдавать физически: как похудели ее лицо и руки, как распухли ноги и живот, как она не хотела в больницу, как мне было тяжело одной принимать решения. Звонить в скорую? Или снова звонить терапевту?

Я точно помню, что Эйлса сказала тогда, потому что она вскочила и перебила меня:

– Это было жестоко, Верити. Жестоко, черт побери.

Это были слова, которые не имели смысла логического, но все же в них был абсолютный смысл. И они оказались це-

лебной мазью для моих ран.

– А где была Фейт, пока все это происходило?

– К тому времени она уже ненавидела приезжать домой. У мамы появилась язва на ноге, которую приходилось регулярно перевязывать, из-за головных болей она стала чувствительной к свету, поэтому шторы были постоянно задернуты. Я не виню Фейт. Честное слово не виню. Я понимаю, почему ее все это достало и почему она хотела начать новую жизнь.

– И где ее новая жизнь?

– В Брайтоне.

– И до сих пор?

Я кивнула.

– А вы ездите к ней в гости? Или она к вам?

Внезапно я почувствовала боль в груди, потом во всем теле.

– В последнее время нет.

Мы шли по тропинке вдоль железной дороги, и я замолкла из-за шума идущего мимо поезда, дождалась пока звук его не стих вдали.

– Мы поссорились после похорон мамы, – пояснила я, – после кремации. Я думала, что Фейт вернется и будет жить вместе со мной, раз мамы больше нет, но у нее были другие планы. Мы сказали друг другу лишнего. Ну и...

Я не стала углубляться в подробности, а Эйлса не стала расспрашивать.

– Бедная вы бедная, – наконец произнесла она, а это, как

говорил Крис Таррант²⁴, был «правильный ответ».

Так что нельзя сказать, что я рассказала Эйлсе прям обо всем.

Иногда мы просто вместе смеялись. Мы говорили о глупых и тривиальных вещах, что было редкостью в моей жизни. «Ботокс?» – могла в задумчивости произнести она после того, как мы расстались с кем-то из ее приятельниц, и я могла или поднять большой палец вверх, или опустить его вниз, независимо от того, что я никогда точно не знала, какой эффект на самом деле дает этот ботокс. Эйлса спрашивала, что я ела на ужин, и мои ответы ее часто поражали. Печеные бобы на тосте? С сыром? Восхитительно.

²⁴ *Крис Таррант* (р. 1946) – актер, ведущий британской версии программы «Кто хочет стать миллионером?».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.